

Джули Кэплин

Маленький
чайный
магазинчик
в Токио

«Лучшее из лучшего».

Сью Муркрофт

Любовь в каждом городе. Романы
Джули Кэплин и Изабелль Брум

Джули Кэплин

**Маленький чайный
магазинчик в Токио**

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Кэплин Д.

Маленький чайный магазинчик в Токио / Д. Кэплин — «Эксмо»,
2020 — (Любовь в каждом городе. Романы Джули Кэплин и
Изабель Брум)

ISBN 978-5-04-194695-1

Если вы никогда не ели на ходу свежий французский багет, пересекая площадь Трокадеро, не любовались запотевшим кувшином сангрии, сидя в кафе под старым испанским балконом, не пробовали датский бутерброд и не стояли в очереди в бруклинской пекарне, дайте возможность Джули Кэплин показать вам это. Этот романтический побег вы запомните навсегда. Рады вас приветствовать на борту. Сегодня мы совершим рейс в страну с неповторимой культурой, ослепительными небоскребами, яркими огнями и аппетитной лапшой. Приятного полета! Фиона — блогер, и она всю жизнь мечтала побывать в Японии. Поэтому, когда судьба дарит ей такую возможность, девушка не раздумывая ни секунды собирает чемодан. Ее встречает шумный, оживленный и яркий Токио. Фиона готова насладиться своим путешествием. Правда, радость длится ровно до встречи с известным фотографом Гейбом. Тем самым мужчиной, который разбил ей сердце десять лет назад. Сможет ли пара забыть обиды и сделать шаг навстречу друг другу? Ведь в жизни дается только один шанс увидеть цветение сакуры и вернуть любовь! «Неотразимо». — Филиппа Эшли «Лучшее из лучшего». — Сью Муркрофт

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-194695-1

© Кэплин Д., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	26
Глава 4	31
Глава 5	39
Глава 6	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Джули Кэплин

Маленький чайный магазинчик в Токио

Посвящается Нику, Элли и Мэтту, которые, к счастью, прекрасно умеют сами о себе позаботиться

Julie Caplin
The Little Teashop In Tokyo

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Cover design by Caroline Young © HarperCollinsPublishers Ltd 2020
First published in Great Britain in ebook format by HarperCollinsPublishers 2020
under the title THE LITTLE TEASHOP IN TOKYO
Copyright © Julie Caplin 2020
Julie Caplin asserts the moral right to be acknowledged as the author of this work
Cover design by Caroline Young © HarperCollinsPublishers Ltd 2020
Cover illustrations: Shutterstock.com
© Петренко М., перевод на русский язык, 2023
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2023

Глава 1

Международный аэропорт Ханэда, Токио

– Сливайся с толпой, Фиона, сливайся с толпой, – повторяла она про себя давно знакомую мантру, теребя кончик длинной светлой косы и неуклюже, словно аист, потирая ногой икру другой ноги. Выглядело это совершенно нелепо, потому что ее окружали, подобно крайне занятым муравьям, снующие крошечные женщины. Рядом с этими миниатюрными японками с тонкими чертами лица и густыми, блестящими волосами она чувствовала себя мохнатым мамонтом, который неуклюже забрался на парижский подиум. В какой-то ужасный момент ей показалось, что она снова в школе, ее окружают крутые девчонки, и по их презрительных взглядам понятно: нет, они не принимают ее в свою компанию.

Она сделала глубокий вдох, который должен был успокоить, но вместо этого прозвучал, как мучительный хрип. Повсюду кого-то встречали: стройные мужчины в безукоризненных костюмах держали маленькие таблички с именами. Ей даже вспомнилось, каково это – когда тебя никто не хочет брать в свою команду на физре...

Стараясь не выглядеть встревоженной, она снова стала всматриваться в белые таблички, молясь, чтобы на одной из них оказалось ее имя. В ушах звенело от эха большого аэропорта, а спина начинала затекать от неудобной позы. Самолет приземлился час назад, багаж выгрузили (как она поняла) с чисто японской оптимальной эффективностью, и вот она все еще ждет... Так хотелось проверить документ со всеми подробностями поездки, что лежал в ее сумке, но если она сделает это еще раз, то просто станет еще сильнее нервничать. «Доверься листку бумаги и написанным на нем обещаниям, Фиона», – сказала она себе. Она уже здесь... И она смелая! Ясное дело, вышла из зоны комфорта (и еще как!), но именно таков и был план. Мама отговаривала, но такая возможность выпадает раз в жизни – Фиона даже и не мечтала, что с ней может такое произойти!

Выиграть в конкурсе факультета искусств Токийского политехнического университета полностью оплаченную поездку в Японию – уже было восхитительно, но вишенкой на торте стала фотовыставка ее авторских снимков в Японском центре в Лондоне. Как же она благодарна, что записалась на вечерние курсы в одном лондонском университете!

Сунув руку в карман, она провела пальцами по гладкой слоновой кости нэцке, маленькой резной фигурки, которую раньше японцы использовали как элемент традиционной одежды. Маленькая фигурка кролика повсюду путешествовала с ней – это была единственная вещь, доставшаяся ей от отца (он умер, когда она была совсем маленькой). Именно нэцке породило ее интерес к Японии – поэтому, когда объявили этот конкурс, Фионе захотелось принять участие. Даже без подсказки ее властной подруги Аврил! Просто Аврил помогла этому скрытому желанию воплотиться в жизнь...

И вот она приехала сюда на целых две недели! Полмесяца знакомства с самой Японией, а еще и стажировка у одного из лучших фотографов в мире – Ютаки Араки. Она усердно трудилась над своей конкурсной работой и (верила она сама в это или нет) заслуживала быть здесь.

Руки так и чесались достать из сумки аккуратно сложенный листок бумаги, чтобы прочитать его еще раз и убедиться, что она ничего не перепутала. «Стоп, – сказала она себе, – ты же знаешь, там черным по белому написано, что тебя встретят в международном аэропорту Ханэда. Кто-нибудь с аккуратной маленькой доской с твоим именем появится здесь с минуты на минуту. Возможно, это будет даже сам знаменитый Ютака Араки». Ее рука крепко

сжала телефон, уютно устроившийся рядом с маленьким кроликом в глубоком кармане мехового пальто. Нет, она не будет доставать телефон и проверять сообщения. Сегодня утром, как обычно, мама должна прислать последние данные о своем давлении. Оно повышалось всякий раз, когда Фиона делала что-то, чего мать не одобряла.

Рассматривая большое открытое пространство вокруг, окидывая взглядом переполненный зал прибытия, она попыталась проанализировать, что делает его особенным. К счастью, попадались надписи на английском, а не только в виде невероятно красивых, но совершенно непонятных японских иероглифов. Ее сильно беспокоила неспособность прочитать даже базовую информацию, а еще неумение пользоваться палочками для еды. Фиона никогда раньше не пробовала суши, потому что сырая рыба ей совершенно не по вкусу. Чем же она здесь будет питаться?..

Она с трудом сглотнула. А что, если никто не придет? Что ей тогда делать? Нахлынула волна отчаяния. Фиона вздохнула и переступила с ноги на ногу, с надеждой вглядываясь в приближающихся. Все вокруг казалось таким чужим... Хотя в огромном торговом автомате напротив она разглядела логотип «Кока-Колы», но что содержалось во всех остальных ярких банках – было совершенно непонятно.

Ее взгляд остановился на человеке, который через весь терминал направлялся прямо к ней. Шагал он так быстро, что развевались полы пальто. Когда он приблизился, она прищурилась. Не может быть... Это ей просто кажется...

Божечки!!! Не может этого быть, это же...

Так и есть!

Ей даже захотелось утрированно протереть глаза, как это делают мультяшные герои, но со зрением у нее все в порядке. Поняв, что это определенно он, Фиона втянула шею, как черепаха.

Габриэль Бернетт, фотограф года по версии «Таймс», лауреат премии «Портрет Британии» и премии Уордхэм-Смит, а также обладатель множества других наград за свои невероятные фотографии. Этот человек обладал огромным талантом, не говоря уже об обаянии, внешности и харизме, и когда-то был любимцем прессы.

А здесь он что делает? Нет... Не может быть, чтобы он ее встречал. Наверняка просто совпадение! Но в голове у нее все складывалось: она выиграла конкурс фотографий, он фотограф, ее должны встретить, он в зале прилета.

Он. Не. Может. Ее. Встречать.

Несмотря на категорический запрет себе вообще что-либо чувствовать, ее сердце замерло по крайней мере на десять секунд, а потом снова бешено заколотилось со скоростью тысяча ударов в минуту, словно поезд, вырывающийся из туннеля. Гейб Бернетт... Направляется прямо к ней. Проводит рукой по темным, упавшим на лоб волосам теми быстрыми резкими движениями, которые она вдруг так хорошо вспомнила.

Ей так захотелось повернуться и убежать, но ее ноги будто превратились в большие комья глины, и она никак не могла с ними совладать. Он подошел к ограждению и вытащил лист белой бумаги, на котором было жирно выведено: «ФИОНА Х.». Ее имя было написано так, как будто он слишком торопился, поэтому не стал записывать фамилию полностью, но все же подумал о том, что в аэропорту может быть другая Фиона, и добавил «Х». Узнал ли он ее имя? Прошло десять лет. Узнает ли он ее? Крайне маловероятно. С тех пор он, должно быть, вел занятия у сотни студентов... Она тогда была совсем другая: носила комбинезоны в стиле «Бананарама», укороченные джемпера и подвязывала волосы шарфом с огуречным узором, да и вела себя гораздо более эксцентрично и уверенно. Фиона хорошо помнила тот момент, когда ее самоуверенность съезжилась, как старый грецкий орех. Это было непосредственно связано с мужчиной, который сейчас стоял в десяти футах перед ней, держа потрепанный клочок бумаги с ее именем, небрежно оглядывая многолюдный терминал – так ведут себя только люди, которые везде чувствуют себя как дома.

– Это я! – сказала она, поднимая руку, как школьница, и кивая на листок: – Фиона. Фиона Ханнинг.

– Отлично! Долго ждала? – Он сунул самодельную табличку в карман и, к удивлению Фионы, склонился в быстром плавном поклоне.

Она уставилась на него и убрала руку, с которой теперь не знала, что делать. Губы ее слегка скривились, потому что вообще-то она ждала извинений: он же опоздал на полчаса! Но, с другой стороны, такие люди не извиняются перед простыми смертными. Им это необязательно.

– Габриэль Бернетт. Но чаще меня зовут просто Гейб. Приятно познакомиться. – Он снова поклонился, но затем все-таки протянул руку, и ей пришлось вынуть свою из кармана для рукопожатия. – Здесь все кланяются в знак приветствия.

Это она знала, потому что немного почитала про страну, в которую ехала. Просто она не ожидала от него поклона.

– К этому очень быстро привыкаешь! Еще они любят визитные карточки. Если тебе дадут визитку, обязательно возьми ее двумя руками и отнесись к ней, как к почитаемому предмету. И ни в коем случае не клади ее в карман! Обязательно аккуратно положи ее в сумочку или кошелек. Относись с уважением. Здесь, в Японии, много значения придают уважению.

– Понятно, – сказала она, ошеломленная этим потоком информации. Она запомнила его как довольно сдержанного и немногословного, если дело не касалось работы, человека. Но с другой стороны, она не видела его десять лет. Она и сама за это время изменилась – и очень сильно! Внезапно она улыбнулась, потому что вспомнила последние слова Аврил, которые та сказала, провожая ее в аэропорту: «Прекрати разыгрывать из себя тихоню! Тебя там никто не знает, будь той, кем хочешь быть». В теории это звучит прекрасно, особенно когда ты суперуверенная в себе телеведущая, которая вышла замуж за любовь всей своей жизни, и у тебя невероятно очаровательный двухлетний ребенок. Аврил стала одной из самых близких подруг Фионы после пресс-поездки в Копенгаген.

– Твои вещи? – спросил Гейб, прерывая ее размышления.

Она кивнула, а затем вздернула подбородок. Ей уже не восемнадцать!

– Путешествуешь налегке... – Он вопросительно поднял бровь. – Это все, да?

– Да, – сказала она.

– Вот и славно, будет проще на монорельсе.

И с этими словами он взял ее чемодан, по ее меркам огромный, и они пошли.

Собирать вещи для двухнедельной поездки туда, где вы никогда раньше не были, – занятие, мягко говоря, не из легких. Ситуацию спасла лишь Аврил, которая по-доброму над ней подтрунивала. Если бы Фиона придерживалась своего первоначального плана (взять только джинсы и футболки), ее чемодан был бы вдвое меньше.

Гейб лавировал сквозь толпу, а Фиона старалась за ним успеть, попутно разглядывая все вокруг, подмечая незнакомые виды и звуки. И только когда они ждали монорельс, стоя на платформе по линии, начерченной для очереди, у нее появилось время собраться с мыслями.

– Эм... очень мило с вашей стороны, что вы меня встретили.

Лицо Гейба стало серьезнее, и он заговорил таким тихим голосом, что она едва могла его слышать:

– Ах да... Планы немного изменились. К сожалению, в семье Ютаки Араки случилась тяжелая утрата, и он был вынужден вернуться домой в Нисэко. Боюсь, тебе придется довольствоваться мной. – Он ехидно усмехнулся, а потом добавил: – У меня достаточно квалификации.

Раздраженная этой его дерзкой самоуверенностью и тем, что ее пульс внезапно участился, она впиалась в Гейба взглядом.

– Да знаю я, кто вы такой, мистер Бернетт, – сказала она, вынужденная наклониться ближе, чтобы расслышать его слова.

– Мистер Бернетт... Ой-ой! Звучит, как будто мне лет так... сто, не меньше, – он тихо рассмеялся.

Она стиснула зубы, чтобы удержаться и не сказать, что она-то знает точно, сколько ему лет.

– Ладно, как бы там ни было. Жаль, что так вышло с Ютакой, но это обстоятельства непреодолимой силы. Университет связался со мной... я раньше там преподавал... меня попросили прийти на выручку. Я знаю профессора Кобаши, который руководит программой здесь, в Токио, и его жену; если быть до конца честным, они мои арендодатели. Я снимаю у них квартиру и студию. Так или иначе, если очень хочешь встретиться с Ютакой, он, может быть, вернется к концу твоего пребывания.

– Уверена, у вас все получится, – сказала Фиона, удивляясь своей наглости, но, как и он, перейдя на шепот, прошипела: – Вы же сами сказали, что у вас достаточно квалификации...

Вместо того чтобы обидеться, он широко улыбнулся:

– Как же прекрасно, когда тебя ставят на место!

– Полагаю, это случается не очень часто, – сухо сказала она, не сдержавшись. Она что, дразнит Гейба Бернетта?

С кривой улыбкой он повернулся и внимательно посмотрел ей в лицо. Было невозможно спрятаться или отойти в сторону – он стоял рядом с ней.

– Знаешь, я не такое уж чудовище. Не нужно верить всему, что пишут в газетах.

Его глаза изучали ее, и на мгновение Фионе показалось будто в его словах кроется нечто большее... Был период, когда его лицо появлялось в газетах почти так же часто, как и сделанные им фотографии. И неизменно его сопровождали юные модели.

– Я редко читаю газеты. Моя подруга Кейт раньше работала в пиар-отделе. Она говорит, что в основном все там выдумывают, а другая моя подруга, Аврил, работает в утреннем телешоу и точно знает, что сплетни, а что правда...

– Звучит разумно, – сказал он. – Так почему – Япония?

Может быть, дело было в одобрительном взгляде, которым он на нее посмотрел, или в том факте, что он явно ее не помнил, но она вынула из кармана маленькое нэцке из слоновой кости.

– Вот поэтому!

Он тут же протянул руку и провел пальцем по гладкой фигурке.

– Можно?

Фиона передала фигурку ему.

– Она принадлежала моему отцу. Он умер, когда я была маленькой, а ее я нашла, когда мне было шесть. Понятия не имела, что это такое, пока мне бабушка не рассказала... Нэцке. Он купил его в антикварном магазине, будучи маленьким мальчиком, и всегда хотел поехать в Японию. Но его мечта не сбылась. И вот я услышала про этот конкурс... – Бернетт вернул ей статуэтку, и Фиона пожалала плечами. Фигурка с успокаивающим стуком опустилась в ее карман, маленьким комочком прижавшись к бедру.

– Несколько сентиментально, но мило. В Токио ты почувствуешь настоящий колорит страны. – На мгновение его улыбка стала задумчивой. – Это страна контрастов: яркая, современная, инновационная, повсюду невероятный неоновый свет, высокие технологии, и все это сочетается с глубоким пониманием и уважением к искусству, культуре и традициям. Я никогда раньше не жил в подобном месте.

– Вы здесь живете?

– Между Японией и Лондоном. – Он сделал паузу. – Ты будешь жить с семьей Кобаши. – Снова появилась эта ухмылка. – Жена профессора Кобаши, Харука, просто прелесть, крайне интересная личность. Она мастер по приготовлению чая.

Фиона резко выпрямилась, заинтересовавшись:

– Обожаю чай! Я мечтаю побывать на чайной церемонии, хотя понятия не имею, что там происходит...

– Что ж, ты окажешься в нужном месте. Она эксперт. У них с дочерью есть чайный магазинчик, где она проводит церемонии. И прямо над ним они и живут.

– Неужели. – Глаза Фионы засияли. Одной из ее любимых вещей был маленький глиняный чайник с узким носиком и бамбуковой ручкой. Ей нравились изящество и простота дизайна: чайник не только красив, но и функционален. Ослабив бдительность и забыв, что она решила вести себя так, словно они с Гейбом раньше не встречались, Фиона посмотрела прямо в его голубые глаза и тепло ему улыбнулась. Он все еще оставался очень красивым мужчиной.

– Хм, – произнес Гейб, хмурясь и отворачиваясь, как будто она подошла слишком близко. Его челюсть напряглась, а взгляд устремился вдоль платформы, на которой толпились люди.

Она засунула руки в карманы, пальцем поглаживая нэцке. Нельзя сказать, что он грубо прервал разговор, но было очевидно, что поддерживать беседу он не намерен. В груди ощущалась тяжесть, будто она проглотила кусок хлеба из муки грубого помола. Высокие, нескладные девушки вроде нее не во вкусе Гейба Бернетта, но зачем это демонстрировать? Она знала, что ему нравятся гламурные миниатюрные брюнетки, которые буквально каждой клеточкой излучают уверенность: его личная жизнь была хорошо задокументирована в таблоидах до того, как несколько лет назад он переехал в Японию.

– Если тебе такое нравится... – пренебрежительно сказал он, поглядывая на часы. – Первый раз интересно, а потом как-то утомительно... Это больше для туристов.

– Так я и есть турист, – отрезала Фиона, раздраженная тем, как он с ней разговаривает.

– Кстати, о туристах – а у тебя есть проездной на японскую железную дорогу?

– Да.

Проездной – то небольшое, о чем Фиона успела прочитать. Его рекомендовали купить заранее, поэтому она заказала его вместе с билетами на самолет.

Гейб молчал, пока монорельс подъезжал к станции. Когда они зашли в вагон, Фиона хотела было что-то сказать ему, но еще до того, как он приложил палец к губам, в вагоне на нее зашикали. Она огляделась. Оказалось, что в Японии люди не разговаривают в поездах. Гейб вытащил телефон и что-то пролистывал, она последовала его примеру, и остаток пути они провели в комфортной тишине.

Они сошли с монорельса и нырнули в толпу: Гейб вел их через зал к платформе, где они пересели на метро.

– Это линия «Яманотэ». Ты будешь часто ей пользоваться, так что стоит ее изучить. Она кольцевая, с остановками на всех крупных станциях. Мы направляемся в Ниппори. Профессор Кобаши живет в прекрасном традиционном районе под названием Янака.

Спустя почти час езды в абсолютной тишине, хотя и в окружении множества людей, они вышли на улицу под бледный солнечный свет позднего вечера. Теперь первое радостное волнение от пребывания здесь исчезло, на Фиону навалилась усталость: она с трудом переставляла ноги, а Гейб продолжал двигаться быстрым шагом, даже не удосуживаясь проверить, следует ли она за ним. Спасибо, что хоть заботился о ее чемодане, который толкал так целеустремленно, как будто у него спецзадание. «Ага, задание избавиться от меня», – предположила она, наблюдая за его широкими плечами: он шел, опережая ее на несколько шагов, при этом отчетливо давая понять, как сильно ему не хочется здесь находиться.

Фиона шла за ним, но совершенно не представляла, где они сейчас территориально, и это чувство дезориентации ей не нравилось. Оно вызывало у нее неприятный и нервующий страх потери контроля. Она очень далеко от дома. Шестнадцатичасовой полет в уютном самолете смягчил осознание расстояния, которое она преодолела. Теперь реальность ошеломляла:

она видела незнакомую архитектуру, странные дорожные знаки, огромное количество проводов над головой (чего не встретишь дома), и фонарные столбы, которые больше походили на витиеватые скворечники. Совершенно не похоже ни на одно место, где она когда-либо побывала... Хотя улица была широкой, дома подходили вплотную к краю дороги, а у дверей стояли горшки с растениями, словно компенсируя отсутствие палисадников. Все, казалось, было сделано из дерева, за исключением темно-зеленых черепичных крыш, которые круто спускались, создавая небольшой навес.

Она остановилась, чтобы рассмотреть бамбуковые занавески на окнах, Гейб тоже встал и подождал, пока она его догонит.

– Этот район в таком традиционном стиле. Домам тут, наверное, лет двести.

– Мне так нравится, что все здесь деревянное, – сказала она, очарованная зданием, хотя они символизировали огромное расстояние до родного дома.

– Суги. Японский кедр, – ответил он, продолжая двигаться на несколько шагов впереди нее.

Увидев его удаляющуюся спину, Фиона ускорила шаг, боясь отстать. Гейб свернул направо, на другую, более узкую улицу, и остановился, ожидая Фиону у витрины магазина.

С улыбкой она посмотрела на большое квадратное окно в деревянной раме, нечто среднее между эркером и балконом. Окно украшал вьющийся жасмин, а внутри – великолепная, хотя и минималистическая, экспозиция чайников с изящными носиками и традиционными чашечками с красивой глазурью. Под окном стояло несколько больших горшков с листовыми камелиями – темно-розовые бутоны готовы были вот-вот распуститься.

– Как же невероятно красиво! – выпалила она, жалея, что под рукой нет фотоаппарата.

– Привыкай... Это чайная Харуки; она и профессор Кобаши живут наверху, где ты и остановишься.

Фиона в восторге захлопала в ладоши:

– Как здорово!

Еще некоторое время она изучала выступающую над окном зеленую черепичную крышу, что загибалась по краям, будто султанские тапочки.

За дверью виднелся лестничный пролет, что вел направо, в чайную, а слева располагалась более широкая веранда. Гейб сразу скинул ботинки и что-то крикнул по-японски. Она уловила слова «Харука-сан».

– Вы говорите по-японски?

Он покачал головой:

– Стандартные приветствия. Ну и так, по мелочи. Вот и все. Надо бы тебе снять обувь. Тебе дадут тапочки.

Сам он уже сунул ноги в большие тапочки.

Дверь из чего-то похожего на бумагу и дерево скользнула в сторону, и из-за нее показалась миниатюрная японка с темными волосами, зачесанными назад и собранными в блестящий пучок, который прибавлял ей по меньшей мере два дюйма роста.

– Габриэль-сан!

Она приветствовала его с явным восторгом, поклонилась, а затем расцеловала в обе щеки. Ее темные глаза-пуговицы засияли, она что-то тихо приговаривала по-японски, похлопывая его по плечам.

Фиона с любопытством наблюдала этот восторженный прием. Она ожидала увидеть официальных и сдержанных японцев. Ничего похожего...

– Харука-сан, это Фиона!

Она шагнула вперед, сложила руки вместе и, слегка склонившись, вежливо кивнула Фионе.

– Добро пожаловать, Фиона! Очень рада с вами познакомиться, – произнесла она с дружелюбной улыбкой, хотя и не настолько лучезарной, какой наградила Гейба; очевидно, он здесь любимчик.

– Пойдемте, пойдемте. – Мелкими, аккуратными шажками она повела их вверх по лестнице, которая поворачивала направо, на небольшую площадку. Фиона догадалась, что теперь они находятся над чайным магазинчиком. Ей не терпелось войти внутрь, хотя на этот раз ее вниманием завладел совсем другой японский интерьер: женщина провела их в большую гостиную. Стиль подчеркнуто аскетичный: минимум мебели, деревянные полы, покрытые широкими циновками. Несколько очень низких стульев с высокими прямыми спинками и странного вида стол, к которому, кажется, был присоединен матрас-футон. Фиона обратила внимание, что, кроме нескольких глиняных изделий на низком деревянном буфете и пары раскрашенных свитков на стенах, украшений не было – никакого хлама, как дома у ее мамы. Она улыбнулась; ей понравились отсутствие излишеств и опрятность.

Хозяйка открыла еще несколько раздвижных дверей, а затем повела их вверх по другой деревянной лестнице в ряд комнат, разделенных такими же дверьми из бумаги и дерева. Гейб нес чемодан Фионы, и наконец они пришли в маленькую квадратную комнату с футоном на полу. Харука подняла бамбуковые жалюзи, за которыми оказался балкон, тянувшийся по всей задней части дома, с видом на прекрасный сад в стиле дзен.

– О, как же красиво! – воскликнула Фиона, в восторге всплеснув руками и заслужив теплую улыбку хозяйки.

– Его я покажу вам позже. Не хотите ли чего-нибудь попить?

– Только я остаться никак не могу, – поспешно сказал Гейб. – Мне нужно возвращаться. – Он повернулся к Фионе: – Первые пару дней, думаю, смогу показать тебе Токио. Акклиматизируйся пока, а потом сможешь начать думать о тематике своей выставки.

Фиона кивнула, радуясь, что он знал про выставку. Идея ее фотовыставки вызывала у нее изрядное беспокойство. Участвовать в этом конкурсе она решила из-за поездки в Японию, но настоящий приз – гарантированная выставка в Японском центре в лондонском Кенсингтоне через две недели после ее возвращения домой. Это был фантастический шанс получить признание и, возможно, продать какую-нибудь работу. Она с нетерпением ждала возможности поработать с Юкатой Араки, известным своими прекрасными пейзажами, и надеялась многому у него научиться и получить его совет по теме выставки.

Но теперь она... с Гейбом. Не было уверенности, что он будет тем человеком, который сможет ей помочь: во-первых, он же специализируется на портретах!

– Акклиматизироваться нужно, да, – пробормотала она, почувствовав, как головокружением дает о себе знать смена часовых поясов. Она покачнулась, и Гейб поймал ее за плечо. Ее глаза мгновенно метнулись в его сторону, у нее перехватило дыхание, и как будто за ту секунду между ними пробежала искра. Гейб поспешно отпустил ее руку. Напрягшись, она заставила себя сосредоточиться. Гейбу нечего было ее бояться. Однажды она выставила себя перед ним полной дурой – напридумывала всякого! Больше это не повторится, каким бы потрясающе привлекательным он ей ни казался.

Глава 2

– Почему? Почему? Ну почему? – вопрошал он себя в зеркале, проводя лезвием бритвы по покрытому пеной подбородку. Поездка в Токио и в лучшие времена – та еще морока. И вдвойне невыносима теперь, когда пришлось встречать какую-то широкоглазую девчонку (а у нее и впрямь были огромные глаза и длиннющие ноги – этими своими конечностями она напомнила ему Бэмби).

Он согласился стать ее куратором не потому, что его умолял об этом профессор Кобаши; нет, причиной были слезы безутешной Харуки: она переживала за мужа, который был бы опозорен, если бы сорвалась тщательно разработанная им программа стажировки. Японцы не выносили неудач, и профессору было бы стыдно за отмену этой поездки, а Гейб прекрасно знал, что в большом долгу перед Харукой. Хотя теперь Гейб сожалел, что согласился... Взглянул на часы: время он рассчитал так, чтобы избежать этого отвратительного час пика, который характерен только для Токио, где на работу едут восемь миллионов человек одновременно. К тому же благодаря этой хитрости ему меньше времени придется работать «няней».

Тяжело вздохнув, он бросил последний взгляд в зеркало и наклонился ближе, внимательно изучая гладкую кожу, ничего не пропустил ли – хотя он и сам не знал, почему его это вообще заботило... Обычно он старался бриться как можно реже; это была бессмысленная, набившая оскомину рутина. Как и почти все остальные дела теперь... В следующем месяце у него запланирована пара съемок для японских журналов (кинозвезды с их обычными рекламными турами, организованными их агентами) и все... если только не позвонят в последнюю минуту, что сейчас случалось крайне редко.

Он взял телефон с края умывальника и в третий раз прочитал сообщение от Юми.

Мейко снова уехал. Никто меня не понимает. Мне так одиноко... Приезжай, давай поужинаем. Ю.

Поездка в Осаку на скоростном поезде «Синкансэн» занимает час, и, если бы ему не надо было нянчиться, он бы поехал без промедления, но, к сожалению, у него обязательства... обременительные и совершенно неинтересные. А Харука определенно не одобрит любое их нарушение.

Он неохотно отправил ответное сообщение.

Извини. Сегодня работаю. Может, завтра.

Поцелуй он не добавлял. Больше нет. Теперь она замужняя женщина. Знакомое чувство отчаяния накатило и поглотило его полностью. Мгновение он ждал, положив одну руку на все еще влажную раковину, но ответа не последовало... Он четко представил ее лицо. Затем с грустью рассмеялся. Представил ее лицо? Да он знал каждую линию этого прекрасного лица! Форму каждой, даже еле заметной, черточки и каждой тени, подчеркивающей линии ее изящного лица.

Мысленным взором он видел, как вздрагивает ее нижняя губа, в глазах мелькает тень разочарования. Бедная Юми, она так невыносимо одинока, оторвана от всех там, в Осаке. Ей так нужен друг. Муж ей пренебрегает, но в то же время потакает каждой ее прихоти, потому что невероятно богат.

Он отогнал от себя эти грустные мысли. Как говорит Харука, что Юми посеяла, то теперь и пожинает. Гейб засунул телефон в задний карман и вышел из дома.

Фиона уже была готова, ждала и даже подпрыгивала – только так он мог ее описать. Она буквально источала энтузиазм, ему даже захотелось отойти от нее подальше, как будто мог заразиться.

– Доброе утро! – поздоровалась она, скидывая тапочки и засовывая ноги в аккуратные ботинки челси.

– Ты прямо светишься! Я так понимаю, хорошо выспалась?

– Это точно! Здесь какие-то другие ощущения... Думаю, это аромат циновок татами. Как будто спишь на открытом воздухе!

Он скептически приподнял бровь: за долгие годы ему уже стал привычен этот насыщенный травянистый запах.

– Харука провела с тобой курс «Японская культура для чайников»?

– Я расспросила у нее о ковриках. А еще, – она добавила нетерпеливо, – про раздвижные двери. Которые из бумаги и дерева. Они такие красивые!

– Сёдзи. – К ним он тоже привык, но помнил время, когда они были в диковинку. – Изначально их сделали, чтобы огородить пространство, где самурай мог размахивать мечом.

Хорошо, значит, за эти годы он впитал кое-какую информацию и был не прочь попытаться произвести на гостью впечатление.

– Да, так мне и сказала Харука!

Он улыбнулся.

– Японцы очень бережно хранят традиции и в то же время умудряются быть одним из самых технологически продвинутых обществ. Кстати, если ты готова, мы сядем на поезд, а затем пересядем на метро, которое в это время суток должно быть гораздо культурнее.

Она наклонилась, чтобы взять сумку с фотоаппаратом.

– Вероятно, сегодня камера тебе не понадобится.

– Правда? – Она вцепилась в ремешок, словно боялась, что он будет вырывать сумку у нее из рук.

– Я хочу, чтобы ты просто наблюдала... Созерцай, почувствуй атмосферу! Побудь в настоящем моменте! Многие фотографии прячутся за камерами, и в итоге у них получаются весьма посредственные снимки. Хороший фотограф раскрывает то, что скрыто в глубине.

Она моргнула, внимательно глядя на него.

Может, ей и удастся. Откуда это взялось? Бредятина для чайников. Когда-то он верил в искусство фотографии, но теперь... Теперь он просто не хотел, чтобы она фотографировала все подряд и тем самым замедляла день; это сделало бы и без того утомительное времяпрепровождение еще более невыносимым.

Сегодняшний день нужно было просто пережить, и как можно быстрее. Такую стратегию он выбрал, сожалея, что не может просто сесть в поезд до Осаки.

Как только они покинули станцию, Фиона сразу начала все рассматривать, поворачивая голову из стороны в сторону, так что у нее даже разболелась шея. Небоскребы, мигающие неоновые огни, что занимали каждый кусочек пространства, очень много людей. Она никогда не видела такой толпы! В метро Гейб с ней почти не разговаривал, но она уже поняла, что это связано с местным этикетом.

– Вот мы и на месте, – сказал Гейб, но она уже заприметила располагающуюся чуть дальше по дороге вывеску и взволнованно ускорила шаг. Когда во время долгого перелета сюда она штудировала путеводитель по городу, то это место поставила в приоритет. *TOP Museum* – гласила надпись, вызывая у Фионы улыбку. Токийский музей фотоискусства.

– Великолепно! – Она сияла от радости. – Откуда вы узнали?

– Что узнал?..

Она чуть не рассмеялась, потому что он в нерешительности и как-то даже испуганно отступил, будто она вручила ему гранату и размахивала перед ним чекой.

– Что это для меня пункт назначения номер один!

Место, в котором я безумно хотела побывать!

– Ну ты же фотограф... – Он широко развел руками, его лицо расплылось в очаровательно неискренней улыбке.

– Любитель. Я только учусь... На самом деле я блогер. До того, как я выиграла этот конкурс, никогда особо-то и не считала себя настоящим фотографом... Но я правда рада, что увижу эти снимки, хотя они, вероятно, приведут меня в уныние... Когда буду смотреть на все эти талантливые работы... На вас они так же действуют? Или вдохновляют?

У него на лбу появились морщины, а ей вдруг стало отчетливо ясно одно: он ничего о ней не знал. И при встрече в аэропорту он, конечно, не счел нужным расспросить ее о ней самой, однако тогда у него хватило самонадеянности предположить, что она-то знала, кто он такой. От этой мысли она вдруг почувствовала себя такой никчемной, отчего даже немного съежилась... Но потом ощутила, как внутри, словно огонь по фитилю, побежала тонкая струйка гнева: она проделала долгий путь, рискнула, вышла из зоны комфорта, а ему, похоже, на нее наплевать... Потрудился ли он прочитать ее заявку на конкурс или открыть файл с фотографиями, который к ней прилагался? Она ими гордилась и, как ни горько признавать, все еще хотела его одобрения... Жаждала его похвалы! «Потому что он профессионал!» – сказала она себе. И вовсе ей не хотелось того, чего она желала в восемнадцать, когда так отчаянно пыталась заполучить его внимание. В ее повзрослевшем двадцативосьмилетнем «Я» пробудился настоящий гнев. Можно хотя бы глазами пробежаться по ее конкурсной заявке – это же элементарная вежливость как по отношению к ней, так и к человеку, которого он заменяет! Какой смысл делать работу наполовину? Он правда такой эгоист, что ему плевать на нее?

– Вы хоть видели мое портфолио? – внезапно спросила она с сарказмом. – Прочитали мою конкурсную работу?

Он поднял руки:

– Прости. Нет. Не читал.

Человек, который не пытается лгать, чтобы выпутаться из неприятностей, а открыто их признает, достоин восхищения, но все же...

– В этом нет ничего удивительного. Понятно, что вы просто напыщенный гусь.

Упс, она немного не так сформулировала то, что хотела сказать, и, судя по его возмущенному и оскорбленному выражению лица, произнесла совершенно не то, что нужно было. С ней такое случалось...

– Что-что?.. Гусь?! Какого черта! Ты меня едва знаешь!

– Ага... – Только вот она его очень даже знала. – Вы из тех людей, которые делают то, что им заблагорассудится!

Она знала это по тому, как небрежно он вел занятия, а большинство учащихся были так ослеплены его звездным статусом, что и не думали жаловаться, и, по правде говоря, она и сама была первой из числа этих учеников. Хватит! Она приехала учиться! Двух недель достаточно, чтобы подготовить фотовыставку, которая позволила бы ей заявить о себе в этой невероятно конкурентной отрасли.

– Какими же пытками вас заставили занять место Араки?

– Никаких пыток не было, – запротестовал он в ответ, свирепо посмотрев на нее. – А теперь, если ты хочешь максимально эффективно использовать свое время, предлагаю тебе начать. Буду ждать тебя здесь через три часа!

И больше не сказав ни слова, он развернулся и ушел, а она осталась стоять с открытым ртом, всем видом напоминая золотую рыбку.

Он... он что? Неужели он только что ее бросил? Значит, так, по его мнению, должна проходить стажировка? Раздраженная, она развернулась и вошла в музей, радуясь, что повсюду были вывески на английском. «Без него даже лучше!» – решила она.

И правда! На пяти этажах было что посмотреть. Фиона бродила в своем темпе, так, как ей хотелось: пропускала то, что не заинтересовало, а около тех снимков, что привлекли, останавливалась и размышляла. Недавно она решила, что жизнь слишком коротка, чтобы тратить время на нужные дела: дочитывать книги, если они не нравятся, досматривать концовку фильма, что не по душе, и (да-да!) изучать каждую фотографию на выставке!

Фиона наслаждалась царившей здесь спокойной, безмятежной атмосферой: посетители чуть слышно перешептывались и старались ступать как можно тише. Она завернула за угол и попала в другую секцию, где оказалась лицом к лицу с Габриэлем Бернеттом. Но его имя она увидела после, сначала ее внимание привлекла сама фотография: потрясающий снимок красивой японки, утопающей в лепестках цветущей вишни, ее руки и ноги аккуратно закрыты цветами, лишь одна рука изящно протянута, а ладонь ловит пенисто-розовый, не в фокусе, падающий цветок. Когда Фиона только увидела снимок, то восхитилась технической стороной его исполнения: как продуманно ложится свет и как размыты края цветов, но чем дальше она рассматривала фотографию, тем сильнее у нее появлялось едва уловимое, но определенно тревожное ощущение.

Изящные брови обрамляли миндалевидные глаза женщины, и камера выделила безупречную кожу цвета магнолии. Но во второй раз рассматривая эти красивые губы бантиком, легко заметить, что в улыбке таится провокация... Хотя композиция картины была свежей и цельной (хорошенькая девушка в цветах), при более детальном рассмотрении обнаруживались намеки на сексуальность, таинственность и подавленное желание. Все не так, как кажется. Фиона почти видела извивающуюся рядом в цветах змею. Ева, искусительница...

Маленькая табличка сбоку от снимка гласила: «Девушка в цветущем» Габриэля Бернетта, 2016 год. Рядом написана краткая биография Гейба с информацией о том, что девушка на фотографии, Юми Мимура, продолжительное время была его музой и любимой моделью.

Фиона прошла по залу и подошла ко второй фотографии. На этот раз действие происходило на вечеринке, где Юми в темно-синем атласном вечернем платье с небольшим вырезом на талии и широкой юбкой выглядывала из-за стоявших спиной к камере двух мужчин в сдержанных серых костюмах. Элегантная, словно Одри Хепберн, и внешне напоминавшая эльфа, она держала в руке бокал с мартини и всем видом показывала, что замышляет какую-то пакость. Это абсолютно не вязалось с ее эффектной внешностью. Фиона улыбнулась; композиция была совершенно очаровательной и сильно отличалась от предыдущего снимка.

Заинтригованная как неоспоримым мастерством Гейба, так и его моделью, она сосредоточилась на фотографиях Юми Мимуры, которые Гейб делал на протяжении многих лет. На некоторых она была одета в западную одежду, на других – в японские кимоно, а иногда элегантно обнажена, не показывая ничего лишнего. В каждом снимке всегда был дополнительный, едва уловимый подтекст, который передавал завуалированную историю или эмоцию. Все фотографии подчеркивали невероятное мастерство Гейба. Подойдя к последнему снимку, Фиона рассмотрела композицию. На нем Юми была одета в элегантное белое шелковое платье, которое красиво ниспадало складками. Освещение на снимке создавало впечатление, что модель сияет ангельской красотой, но затем Фиона помедлила и подавила внезапную дрожь. Триумф! – вот что она увидела в композиции. Нерушимая уверенность в себе. В своей красоте и своем месте в мире. Именно такие люди всегда заставляли Фиону остро осознавать свои недостатки...

Гейб, теперь она это точно знала, – настоящий гений. Настолько же талантливый и прославленный, как Ютака Араки. А она только что его зачем-то провоцировала – и зачем?! Его

высокомерие вполне заслуженно. Теперь ей стало неловко. Кто она такая, чтобы усомниться в его заслугах? А могла бы многому у него научиться, если бы умела держать язык за зубами. Если бы она была честной с самой собой, то признала бы, что в ней говорят подростковые обиды, которые ей следовало бы перерасти. Когда же она повзрослеет наконец и забудет о том дурацком эпизоде на занятиях? Он-то явно забыл. На самом деле теперь она понимала, что тот случай, вероятно, никогда не всплывал в его памяти. Он даже не помнил ее имени.

У Фионы еще было полчаса до встречи с Гейбом, поэтому она подумывала пообедать в ресторане музея, но после отвергла эту идею: ее отпугнули меню с незнакомыми блюдами и перспектива есть палочками на глазах у всех. Научить пользоваться этими приборами она хотела попросить Харуку, которая вчера за ужином была так любезна, что даже не смеялась над неумелостью Фионы. Или ей придется привыкать к холодной еде.

Она не торопилась спускаться по лестнице, чтобы встретиться с Гейбом. Увидев его работы, ей вдруг стало так неловко, она почувствовала такую неуверенность в себе... но в то же время вдохновение, и ей не терпелось приступить к работе. Впервые она призналась себе, что когда много лет назад записалась на его занятия, как и любая другая студентка, благоговела перед его статусом знаменитости, но не была настоящей поклонницей его таланта.

Выйдя на улицу, она заметила, что Гейб рассматривает одну из огромных фотографий, выставленных за пределами музея, с видом Парижа (какая ирония).

– Мне нравится этот снимок, – протянул он, даже не взглянув на нее, когда она подошла. – Он прекрасно отражает то, что я *je ne sais quois*¹ по-французски в совершенстве. Все посмотрела?

– Да.

– Понравилось?

– Да.

Она замолчала, ожидая, что он задаст еще вопросы или спросит ее мнение об увиденном.

– Хорошо.

Он повернулся и быстро зашагал, даже не пытаясь продолжить разговор.

Поняв, что он не собирается ее ждать, она побежала следом, полная решимости привлечь его внимание. Своим делам он посвятил три часа. Теперь – время быть ее наставником; это его обязанность!

– Как-то не могу понять, чувствую ли я вдохновение или, наоборот, упадок сил... Я никогда не буду настолько же хороша...

– Вероятно, так оно и есть, – невозмутимо ответил Гейб.

Лишь через мгновение она осознала всю резкость его слов.

– Спасибо за поддержку...

– Я всегда говорю честно. Вот выйдя из Лувра, ты бы не сказала, что никогда не будешь так же хорошо рисовать, как Моне или Ван Гог – потому что никто так не говорит! Они гении своего времени. А здесь собраны самые лучшие снимки самых лучших.

– Полагаю, да, – сказала она.

– Если тебя это утешит, то, судя по тому, что я видел, ты хороший, компетентный техник.

Она повернулась, чувствуя, как падает духом.

– Так себе похвала...

– Это не похвала, это правда, и тут есть чем гордиться. Любой идиот может сделать фото на миллион чисто случайно. Хороший, компетентный техник продумывает идеальную композицию, стремится ее достичь, и, только когда видит именно ее, – делает снимок!

Она поняла, что он имеет в виду, но его слова все равно задели.

¹ Не говорю (фр.). – Здесь и далее прим. перевод.

– Ты приехала сюда, чтобы найти эти композиции... с моей помощью, – он склонил голову набок. – Ты уже поела?

– Нет, я...

К счастью, он прервал ее прежде, чем ей пришлось признаться в своей трусости.

– Хорошо. Недалеко есть отличный бар-темпура. Можем перекусить там.

«Что такое бар-темпура?» – подумала Фиона, но не стала спрашивать, потому что желудок у нее урчал, как вулкан, и сейчас она, вероятно, съела бы что угодно.

Гейб знал, что вел себя как козел; на этом выразительном лице невозможно не заметить разочарования. Именно оно мерцало в этих голубых глазах... Она такая открытая, такая чистая... Он просто не вынес бы разговоров об этих пронзительных, порой выворачивающих наизнанку снимках из той коллекции... Заметив, как поникли ее плечи, он плотно сжал губы и подумал, что надо бы извиниться; она заслуживала большего, но... он не мог. При одной только мысли об этом его желудок скрутился в узел, словно по кишкам скользнула змея. Она обязательно захотела бы порассуждать о том, что значит быть великим – невооруженным глазом был виден искренний энтузиазм, который буквально выплескивался из нее. Она хотела бы поговорить о разных техниках, о том, что она увидела, что ей понравилось... Он вряд ли смог бы это вынести.

Когда он в последний раз сделал достойный снимок? Что-то действительно стоящее? Конечно, он умел хорошо фотографировать, развлекая снимками людей, словно дурацкая цирковая мартышка. Но он потерял способность находить и запечатлевать скрытое внутри. Полностью утратил ее... И теперь так страдал, будто лишился части тела. Когда-то эта способность была его второй натурой: он постоянно видел что-то еще боковым зрением, чувствовал каким-то шестым чувством; она не покидала его ни на мгновение... Мертвый внутри – так называют ему подобных.

– Если ты не против немного прогуляться, мы дойдем до ресторана, а потом взглянем на перекресток Сибуя, – предложил он, беря ее за руку и ведя по тротуару. Если бы они поели быстро, то оказались бы в метро до часа пик.

– А это что? – спросила она настороженно, как щенок, которого однажды пнули, – от этого Гейб еще сильнее почувствовал себя козлом. И тем не менее он уже предвкушал, как покажет ей одну из знаковых достопримечательностей Токио.

– Подожди, сама все увидишь! – сказал он с легкой усмешкой.

– Теперь умру от любопытства! – сказала она, закатывая глаза.

У него даже в груди защемило от ее такого легкого шутливого ответа. А она молодец! Не держит зла...

– Знаю-знаю. – Он пошевелил бровями, чтобы она рассмеялась. – Но я хочу увидеть твое лицо.

Он нащупал в кармане маленькую камеру, которую носил скорее по привычке, а не как раньше, из-за навязчивого желания не упустить потенциальный снимок. Он нахмурился, в голове проскользнул еле уловимый обрывок воспоминания. На мгновение, когда она засмеялась, ему показалось, что он ее где-то уже видел...

– Мне хоть там понравится? – спросила она.

– Хм, не уверен, что «понравится» – подходящее слово, но это определенно нужно увидеть... В Токио есть на что посмотреть! У тебя есть что-нибудь, что ты отчаянно хочешь увидеть?

– Хочу увидеть цветущую сакуру, гору Фудзи, хотя знаю, что до нее нужно еще доехать, и храмы. – Она пожала плечами. – Я была очень занята перед поездкой, поэтому не было возможности настолько тщательно почитать обо всем, насколько мне бы хотелось.

– Ты говорила, что ты блогер. – Пока он ждал ее в кофейне, нашел электронные письма, прочитал ее заявку на конкурс, посмотрел фотографии, полистал ее блог. Он не ожидал, что там будет что-то особенное, но работы его по-настоящему впечатлили. – Как ты вообще все это делаешь? Я заглянул на твой сайт... Да ты неутомимая трудяжка!

Она слегка рассмеялась и покраснела.

– Он рос... как-то сам собой. Все началось с того, что я ездила в разные места, которые чем-то меня привлекли, фотографировала и писала в блоге о своих поездках, но потом люди начали на меня подписываться. А потом пиар-компании стали приглашать меня в разные места. Однажды я даже ездила в Копенгаген с пресс-поездкой, и теперь меня просят сделать то, что расширяет тематику моих статей. Так что на самом деле теперь блог стал скорее сайтом журнала. Иногда я прошу своих подписчиков проголосовать за то, что мне еще сделать – вообще это Аврил придумала, чтобы их заинтересовать. – На ее губах появилась усмешка. – Порой мне кажется, что они меня недолюбливают... но правда... благодаря блогу я делаю то, чего бы в жизни никогда не сделала. В прошлом месяце меня заставили спуститься по канату с колокольни, чтобы собрать деньги на благотворительность, а за месяц до этого я разъезжала по автодрому «Сильверстоун» на «Феррари». Хотя оказалось очень весело и даже вполнину не так страшно, как я себе представляла. Затем в последние несколько недель я занималась плетением корзин, посетила замок Говард и научилась печь хлеб на закваске.

Он кивнул.

– А кто такая Аврил? Твоя сестра?

Фиона фыркнула.

– Ха! Нет. Она бы оскорбилась. Она очень гламурная телеведущая, с которой я познакомилась во время пресс-поездки в Копенгаген. По необъяснимой причине с тех пор она решила всячески способствовать моей карьере. Она невероятно влиятельная, и я должна с ней встречаться по крайней мере раз в месяц. Это по ее вине я здесь. Если бы назойливость была олимпийским видом спорта, она бы получила золотую медаль! Но... – Фиона стала серьезной, – она, та поездка и мои подруги Кейт и Ева, они правда так... ну, они помогли мне.

– Как? – Теперь ему стало интересно. Здесь таилась история. Он шел быстрым шагом, время от времени поглядывая в ее сторону – боялся спугнуть.

Она рассмеялась, но как-то нервно.

– До того, как... до этой поездки я как бы пряталась от реальной жизни. Жила только в интернете, совсем не общалась с людьми.

Он намеренно не стал комментировать, ожидая, что она сама естественным образом заполнит повисшую тишину – как делают обычные люди. Эта техника хорошо служила ему на протяжении многих лет – так он проникал в самую суть своих моделей, когда снимал портреты. Те неосторожные моменты, когда они открывали правду о себе – чистое золото, если у него получалось щелкнуть камерой в нужный момент. К счастью, на рефлексы он не жаловался.

В отличие от большинства Фиона не стала рассказывать подробности. Наоборот, замкнулась, будто занялась самокопанием, что принесло с собой неприятные воспоминания.

– Извини, я не хотел совать нос не в свое дело. Это часть моей техники – раскрывать внутренний мир моделей, когда снимаю портреты.

– Я не ваша модель, – резко сказала она. – И у меня даже желания нет ею стать.

«Скорее ящер, а не ежик», – размышлял он, поймав себя на том, что засмотрелся на то, как она кутается в пальто (отвратительную волосатую штуку, которую следовало бы выбросить в ближайшую урну) и как сутулятся ее плечи. Он едва сдержался, чтобы не сделать снимок.

– От этой фразы прямо веет свежестью! – беспечно сказал он. – Большинство людей отчаянно хотят, чтобы я их сфотографировал, и чаще всего бесплатно. А некоторые даже воображают себя моей музой.

Быть музой, подразумевал он, значит быть кем-то вроде поклонницы фотографа, готовой на все.

Она немного выпрямилась, уголок губ приподнялся.

– Я определенно не одна из них. Хотя это, должно быть, раздражает...

– Чутьочку. Сейчас многие хотят получить все даром – музыку, книги, искусство, фильмы.

– Недостаток развития технологий... но плюс в том, что благодаря им я получаю средства к существованию.

– Думаю, в твоем случае это не просто технологии. Должно быть, ты правда талантливый блогер; ведь тысячи людей ведут блоги, и не у всех получается!

В ответ она лишь пожала плечами, что его разозлило.

– Нет ничего хуже ложной скромности, – упрекнул он ее. В ответ Фиона лишь посмотрела с удивлением, и он разозлился еще сильнее: – Что? Я вот знаю себе цену! И тебе тоже следует. Особенно когда дело касается того, чем ты зарабатываешь себе на жизнь.

– Я не пытаюсь быть скромной, наигранной или еще какой-то, – парировала она. – Просто делаю свое дело. Мне повезло, что людям это нравится и они подписываются на меня и участвуют во всем...

– Но чтобы получить такую вовлеченность, у тебя должен быть определенный уровень творческого мастерства: нужно правильно писать, размещать именно те фотографии, которые нужны – чтобы вызвать интерес у людей!

Она снова пожала плечами.

– Тебе нужно больше уверенности в себе!

– Конечно, как будто ее просто можно взять с полки! – сказала она с резкостью в голосе. – О, я, пожалуй, возьму полфунта веры, щепотку высокомерия и дополнительную порцию уверенности! Потому что это же так просто...

Последние слова она произнесла тише, как будто неохотно вытягивая из себя, и он снова почувствовал резкий укол вины.

В ресторане было крайне многолюдно, но Гейб пошел впереди, протискиваясь сквозь толпу, и занял два последних барных стула напротив кухни, где работало несколько поваров.

– Раньше пробовала темпуру? – спросил он, когда Фиона сняла пальто и взяла меню.

– Нет... – Она оглядела оживленный и очень шумный ресторан. Сквозь болтовню она слышала шипение горячего масла и звяканье посуды по металлу – на кухне прямо перед ними в бешеном темпе работали повара.

– Тогда сейчас тебя ждет истинное удовольствие! Хотя тебя все время будет сюда тянуть...

– Даже не знаю, тем... темп... что это такое?

– Темпура, – подсказал Гейб. – Если просто, то это кусочки еды в кляре, обжаренные во фритюре... не идет ни в какое сравнение с тем густым кляром, в котором готовят рыбу в Англии. Вот подожди!

Она уставилась на меню, несколько ошарашенная: все на японском, совершенно непонятно. На кухне один из поваров макал что-то сырое в кувшин с чем-то полупрозрачно-белым – как она теперь поняла, это было тесто.

– Да не волнуйся ты так. – Гейб протянул руку и забрал у нее меню. – Любишь морепродукты?

Она кивнула.

– Тогда положись на меня! Японская кухня – это прежде всего свежесть и простота ингредиентов. Как правило, они закупают продукты ежедневно, чтобы все было максимально свежим.

Гейб сделал заказ по-японски, и через несколько секунд принесли две дымящиеся чашки зеленого чая. Фиона нерешительно сделала глоток и вздохнула:

– О, именно это мне и было нужно!

Чистый, легкий вкус, по горлу растеклось приятное тепло – ее настроение мгновенно улучшилось! Бодряще и успокаивающе одновременно... Особенно хорошо она это почувствовала, когда, повторив за Гейбом, обхватила керамическую чашку обеими руками.

Перед ними встал шеф-повар и показал бамбуковую плетеную тарелку, на которой лежали сырые креветки, гребешки, крошечные кусочки филе рыбы, кальмара и мини-кукуруза, ломтик странного на вид корнеплода, баклажан и что-то еще – она предположила, это шампиньоны.

Она кивнула и улыбнулась шеф-повару, размышляя, должна ли она взять тарелку. Ее желудок слегка сжался при мысли о том, что придется есть сырые морепродукты, но прежде чем она успела что-либо предпринять, Гейб заговорил по-японски, и мужчина забрал тарелку.

– Ну и лицо у тебя, – поддразнил Гейб, когда официантка поставила перед ними маленькие глиняные тарелочки, в каждой из которых были разные соусы и приправы.

– Я подумала, он это нам подает...

– Нет, просто показывал нам качество. Заметила, что совсем не пахло рыбой?

– Да.

Теперь, когда он на это указал, она осознала полное отсутствие запаха.

– Это признак того, что все продукты свежайшие. И теперь он их приготовит для нас. Смотри! Видишь тесто в кувшине? Очень нежное и почти прозрачное.

Фиона наблюдала, как шеф-повар обмакнул гребешки в кляр, а затем бросил их в глубокую сковороду с маслом, таким горячим, что оно задымилось. Быстрыми, проворными движениями шеф-повар вынул гребешки из масла и мастерски переместил их в корзинку, а затем легко и плавно разложил хрустящие золотистые гребешки на маленькие овальные тарелки и поставил их перед ними на стойку. Это было не свежеприготовленное блюдо – мгновенно приготовленное!

Фиона глубоко вдохнула; она видела, как поблескивает масло, все еще пузырящееся на поверхности. Гребешки источали восхитительный аромат, и у нее уже потекли слюнки.

– Теперь обмакни их в любую из тарелочек. – Он указал на морскую соль с пряностями, крупные белые кристаллы, смешанные с кусочками зелени, и несколько других приправ. – Вот пряная соль, обычно с зеленью бамбука, а это тертый дайкон, разновидность редьки, которую смешивают с соевым соусом, чтобы получился соус для макания. Попробуй!

Она неуклюже попыталась взять палочки и чуть не отправила маленький гребешок в полет.

– Я не то чтобы хорошо умею ими пользоваться...

Гейб улыбнулся:

– Нужно просто потренироваться... Нет... немного не так. Вот смотри!

Он забрал ее палочки и взял ее руку в свою, при этом большим пальцем дотрагиваясь до нежной кожи ее ладони. От этого неожиданного прикосновения Фиона почувствовала прилив тепла. Она намеренно избегала смотреть на него и не отрывала взгляда от своих пальцев.

– Расслабься, – сказал он успокаивающим тоном, от которого она только сильнее напряглась.

«Просто кожа очень чувствительная, вот и все. Немного щекотно», – она выпрямила спину и сосредоточилась на его словах.

– Вот так. – Накрыв ее руку своей, он расположил верхнюю палочку между ее большим, указательным и средним пальцами. – Возьми ее как ручку, но две трети длины должны быть внизу, а не сверху. Теперь закрепи вторую на безымянном пальце.

Отчаянно желая стряхнуть его руку и как-то прекратить это нелепое ощущение его близости, от которого у нее внутри все вибрировало, она пошевелила пальцами и сразу уронила нижнюю палочку. Она залилась краской. Как неуклюже! Как всегда...

– Попробуй еще разок! Нужно время, чтобы это освоить, и, к счастью, в японской культуре главное – наслаждаться едой, а это значит, что они не зацикливаются на манерах за столом.

Он ободряюще ей улыбнулся, но от этого она не перестала чувствовать себя невероятной растяпой.

– И очень хорошо, иначе бы я умерла тут с голоду...

– Не в мое дежурство!

Быстрым, плавным движением он приподнял один гребешок и поднес его к ее губам. Она послушно открыла рот и съела лакомый кусочек, застонав, едва почувствовав вкус на языке.

– О боже мой, это... ммм...

Удивительный вкус отвлек ее от мысли, что неловко есть из рук Гейба. Слишком близко и интимно. Снаружи тесто было таким хрустящим и легким, а сам гребешок внутри – нежным и мясистым, с прекрасным, слегка сладковатым вкусом.

– Это одно из лучших блюд, которые я когда-либо пробовала. Я и не знала, что мне нравятся гребешки. Они же вроде иногда плохо жуются?

Тем временем Гейб сам съел один.

– Нет, если они идеально приготовлены – вот так сейчас! Теперь попробуй с тертым дайконом и соевым соусом. Просто смешай их и окуни.

Второго морского гребешка она немного погоняла по тарелке, но ей удалось его поймать; так она обнаружила, что жадность – отличный стимул при обучении новым навыкам. Положив кусочек в рот, Фиона ощутила невероятный взрыв вкуса – соленый соевый соус со свежей острой редиса, и она издала еще один произвольный стон.

К этому времени шеф-повар приготовил небольшую тарелку креветок – удивительно сочные и нежные и определенно лучшие креветки, которые она когда-либо ела. За ними последовало нежное рыбное филе в легком хрустящем кляре, их текстуры идеально дополняли друг друга. В течение следующих пятнадцати минут они расправлялись с идеально приготовленными овощами, тающими во рту кальмарами и несколькими видами сочных мясистых грибов.

– Просто невероятно вкусно! – вздохнула Фиона, доедая последний кусочек того, что оказалось корнем лотоса. Она чувствовала себя сытой, но не переевшей, как будто съела ровно столько, сколько нужно. – А я думала, тут повсюду будут только суши.

– Весьма распространенное заблуждение. Суши на самом деле чаще едят по особым случаям. Вроде как англичане готовят ростбиф лишь по праздникам. И суши – это не то, что ты видела на пластиковых подносах в отделе с ланчами лондонских супермаркетов. Это большее.

Пока Гейб говорил, она уже думала о том, что напишет в блоге о своем знакомстве с настоящей японской кухней.

Они с Гейбом вышли из ресторана и пошли по улице, которая становилась заметно оживленнее по мере того, как они приближались к центру Сибуи и знаменитому перекрестку.

– Ого! – воскликнула Фиона, а Гейб улыбнулся.

Именно таким Токио знали по многочисленным фотографиям: огромный перекресток двухполосных магистралей, пересеченный несколькими переходами, окруженный огромными неоновыми билбордами, на которых сверкала реклама и названия брендов. Так ярко и дерзко – голова закружится даже у тех, кто видел это сто раз! Увидев шок на лице Фионы, рассматривающей электронные щиты, Гейб потянулся в карман за камерой.

– Я как будто в «Бегущем по лезвию». – Она быстро взглянула на него с грустью. – Как жаль, что я не захватила фотоаппарат... А могла бы сделать прекрасное фото для моего блога, –

за неимением камеры она достала телефон и стала снимать на него. – Определенно момент для Инстаграма!²

Их окружало множество других зачарованных туристов, пытающихся запечатлеть яркие цветные изображения, которые транслировались на гигантских экранах, установленных на всех поверхностях зданий вокруг оживленного перекрестка. По опыту Гейб знал, что их сложно хорошо сфотографировать без должного оборудования, но он не стал мешать Фионе, а просто наблюдал за ее выразительным, подвижным лицом, которое постепенно становилось все более задумчивым и поглощенным в процесс, когда она снимала.

Вдруг он осознал (так странно и волнительно!), что впервые за очень долгое время чувствует творческий зуд. Ему так захотелось ее сфотографировать – запечатлеть этот ее здоровый энтузиазм!

– Пойдем, у нас не так много времени. Нам надо бы возвращаться...

Он чуть прошел вперед, пока она делала последний снимок, а потом цвет светофора сменился, и с другой стороны дороги, словно приливное наводнение, хлынул поток пешеходов. Только что Фиона была рядом, а в следующую секунду – исчезла!

Увлекаемая толпой, Фиона внезапно по-настоящему осознала, насколько здесь многолюдно. Хуже, чем на Оксфорд-стрит в канун Рождества. Несмотря на то, что ростом она была немного выше, чем большинство людей вокруг, все же ей ничего не было видно сквозь массу людей. Где же Гейб? Она потеряла его из виду... Остаться на месте и пытаться его найти было невозможно: ее толкали со всех сторон, будто она колышущиеся в открытом море обломки. Пробираясь сквозь толпу, она постаралась вернуться на то место, где в последний раз видела Гейба, но не смогла его найти и поняла, что совершенно не знает, где находится и куда идти. Из-за меняющихся изображений она не была уверена, та ли эта улица, по которой они шли. На оживленном перекрестке таких улиц было несколько.

Находиться среди такого количества людей было невыносимо, у нее перехватило дыхание. «Спокойствие, только спокойствие! – сказала она себе. – Ты обязательно его найдешь!» Но от одного только вида толпы ее желудок стянулся в тугой узел. Гейба нигде не было видно, а они не обменялись номерами телефонов – ее вина! Надо было самой спросить, а она не хотела... Не хотела ничего, что могло показаться близкими отношениями. «Как же глупо!» – подумала Фиона. В любом случае он даже ее не вспомнил.

У нее по спине заструился пот. Среди всех этих людей ей стало душно и жарко, даже пришлось расстегнуть пальто. Она вообще знает, как вернуться в дом Харуки? Ниппон... Ниппл... или как-то так... Гейб говорил название станции, на которой они были вчера, но незнакомое название как-то не запомнилось. И название линии тоже не вспоминалось. Ямаха? Кажется, Яма... что-то там. Сможет ли она ее найти? Ситуация похуже, чем когда она заблудилась на пляже в Скарборо, отдыхая там с мамой. По крайней мере, тогда Фиона говорила на одном языке с окружающими, и милая леди, которая ее нашла, вызвала полицию. Это было ужасно, но тогда она знала, что делать. Выбравшись из толпы, она прислонилась к витрине магазина, еле дыша. На глаза навернулись слезы, ей так захотелось вернуться домой, где все знакомо и она чувствует себя в безопасности. А здесь все такое чужое, не похоже ни на одно место, где она была раньше. На мгновение она пожалела, что вообще сюда приехала... Засунув руки в карманы, она в отчаянии закуталась в пальто. Пальцы нащупали железнодорожный проездной и маленькое нэцке. Она потеряла его гладкую поверхность, пытаясь храбриться. Отец не дожил до ее возраста (умер от какой-то недиагностированной болезни сердца), и эта мысль заставила

² Деятельность социальной сети Инстаграм запрещена на территории РФ по основаниям осуществления экстремистской деятельности. – *Здесь и далее примеч. ред.*

ее вспомнить: то, что она здесь – это же такая удача! Путешествие, которое случается раз в жизни. Нужно взять себя в руки и попросить о помощи.

Никто даже не взглянул на нее дважды – все, опустив головы, невероятно целенаправленно спешили пройти мимо. Недалеко она заметила несколько туристов, которые явно приехали с Запада, но она даже не знала, на какую станцию ей нужно, поэтому не стала просить о помощи. Внезапно она вспомнила: Гейб говорил, что это кольцевая линия. А еще она знала, что название начинается на «Яма...». Уже что-то! На трясущихся ногах она направилась через дорогу к станции, подгоняемая растущим потоком пассажиров, которые направлялись по домам.

Над турникетами было множество знаков, цветных линий и цифр. И тут она заметила ее. Зеленый. «Яманотэ». Это она! С чувством облегчения она пробралась к нужному турникету со своим железнодорожным пропуском. Она понятия не имела, какую платформу выбрать, но если линия кольцевая, то она просто будет ехать по ней и молиться, что узнает название станции. Она стиснула зубы и выбрала платформу, в сотый раз жалея, что она вообще приехала в эту страну.

На платформе аккуратными рядами выстроились пассажиры. Всепроникающая тишина казалась враждебной, как будто все готовились вступить в бой в ту минуту, когда прибудет поезд. Не прошло и тридцати секунд, как с грохотом появился поезд, и еще до того, как он остановился, все бросились к нему с бесстрашным рвением. Как только двери открылись, ее ноги поднялись над землей – Фиону несла толпа. Что-то похожее бывает на больших концертах, невероятно пугающее ощущение. Даже если бы она захотела, то все равно не смогла пойти в другую сторону. Каким-то образом ее перенесли в поезд, и она оказалась зажатой между несколькими людьми. Снова почти плача, она остекленевшими глазами уставилась на карту на стене вагона, пытаясь разобрать совершенно непроизносимые названия. Синдзюку, Такаданобаба, Икебукуро – как будто места в далекой-далекой галактике. Ниши, Ниппори. Ниппори! Это она! Сердце забилось быстрее от внезапно охватившего ее волнения. Ниппори, она вспомнила! Слава богу! Это облегчение помогло ей сохранить рассудок, пока она ехала в переполненном вагоне.

К тому времени, когда поезд прибыл в Ниппори, ей было уже все равно – правильная эта станция или нет, так отчаянно хотелось вырваться из душной толпы. Обмякшая и измученная, она, пошатываясь, сошла с поезда, жалея, что не может прямо сейчас улететь к себе домой. Все вокруг такое чужое, негостеприимное и вызывает лишь чувство клаустрофобии. А теперь, в довершение всего, стеной лил дождь! Единственная радость – по крайней мере, она узнала небольшой ряд торговых палаток напротив станции и знала, куда идти. Во всяком случае, она на это надеялась...

Глава 3

Вот он! Сквозь проливной дождь Фиона заметила окно симпатичного маленького чайного магазинчика и мерцающую в нем лампу, показавшуюся ей волшебным маяком. От радости она чуть не упала в обморок. Она смогла!

Вспомнив, как Гейб ей рассказывал, что японцы никогда не запирают двери, она вошла в дом, слегка задрожав от внезапного тепла, сбросила промокшую обувь и сунула ноги в сухие тапочки.

Харука суетливо подошла к двери, беспокойство отразилось на ее нахмуренном лице:

– Пойдемте, пойдемте... Что случилось?

– Я потеряла Гейба... – пробормотала Фиона, после пережитого она чувствовала себя как выжатый лимон, хотя в душе ликовала: несмотря на все ее страхи и то, что добиралась она действительно ужасно, но все же сама нашла дорогу назад!

Через несколько минут Фиону завернули в плед и отвели в комнату, где находились еще две женщины, сидевшие за причудливым столом, накрытым пуховым одеялом.

– Проходите, садитесь. – Харука подвела ее к одному из мягких, очень низких стульев с высокой спинкой, и она присела. Стул находился в футе от пола, но, как только ее ноги оказались под столом, она почувствовала восхитительный жар. Под одеялом было тепло, и промерзшая до костей Фиона постепенно начала отогреваться.

Она откинулась на спинку стула, слишком уставшая, чтобы хоть что-то говорить, а в это время Харука позвонила Гейбу и сообщила, что его подопечная в целости и сохранности. Очевидно, он все еще был в Сибуе и пытался ее найти. От этой мысли Фиона не могла не улыбнуться.

Постепенно она начала приходить в себя, тепло чудесного стола вернуло ее к жизни.

– Ммм... – наконец простонала она, онемение в замерзших пальцах ног начало проходить. – Как же хорошо! С Гейбом все в порядке?

– Он волновался, но... Я-то знаю, что вы разумная девушка. – Харука просияла лицом, глядя на нее. – Фиона-сан, это моя дочь Сэцуко и моя внучка Маю.

– Здравствуйте! – сказала Фиона, застенчиво кивая, она слегка нервничала из-за того, что оказалась в такой непосредственной близости от совершенно незнакомых людей. Но ей не хотелось отодвигаться от прекрасного комфорта теперь полюбившегося предмета мебели – по ее коже бегали мурашки.

– Что это такое? – спросила она, полагая, что, наверно, будет невежливо приподнять толстую, тяжелую ткань и заглянуть под нее.

– Это котацу, – объяснила Харука.

– Под ним обогреватель, – сказала Маю на безупречном английском. – У вас-то в Англии такого нет!

Фиона улыбнулась, потому что фраза прозвучала несколько хвастливо.

– Да, у нас такого нет... А вы бывали в Англии?

– Я провела там шесть месяцев в языковой школе в Винчестере, где похоронена Джейн Остин.

– Понравилось?

– Обожаю Англию! Я же могу попрактиковаться с вами в английском?

– С радостью!

– Мой отец американец. Он пилот в JAL. Японские авиалинии.

Это многое объяснило.

– Может быть, чаю? – спросила Харука, наклоняясь к центру стола, чтобы взять керамический чайник. Она налила чай в маленькие глиняные чашки и с легким поклоном их раздала.

Фиона вдохнула аромат напитка и про себя улыбнулась. После жуткого приключения она чувствовала себя здесь так, словно попала в другой мир: прекрасное, уютное место, будто после шторма вас выбросило на берег.

– Зеленый чай, моя особая смесь, – сказала Харука. – Вам надо зайти в чайный магазинчик. Я там вам все покажу.

– Вам понравится, – добавила Сэцуко с легкой улыбкой. – Моя *хаха*³ – настоящий эксперт! Если только вы не кофеман...

– Кофе я, конечно, пью, но предпочитаю чай. Гейб рассказал мне, что вы, – она повернулась к Харуке, – мастер чая.

– Так и есть, – гордо сказала Сэцуко. – А в чайной есть много-много сортов чая. Их можно купить. Именно там мы проводим чайные церемонии. Обязательно приходите, – сказала Сэцуко, получив одобрение матери, которая, казалось, с легкостью понимала английский дочери.

Харука кивнула.

– Да. Конечно, вам надо прийти!

– Да, с удовольствием! – сказала Фиона, делая крошечный глоток, руками обхватив горячую фарфоровую чашку. – Ммм... Как хорошо...

Харука одобритительно кивнула и отпила из своей чашки.

– Если не считать того, как вы возвращались домой, день был хороший?

– Очень интересный, – кивнула Фиона и стала рассказывать о том, где она побывала. Удивительно, но по мере того, как уютное тепло постепенно проникало в ее озябшее тело, она обнаружила, что перестала вести себя как обычно сдержанно, а с восторгом начала рассказывать о баре-темпура и том, с каким замечательным блюдом ее познакомил Гейб.

– Он хороший человек, – заметила Харука.

– Очень хороший фотограф. В музее я видела несколько его фото. Там женщина по имени Юми.

– Тьфу! – сказала Харука, отворачиваясь от стола. Она тихонько сказала несколько фраз по-японски. Фионе не нужен был переводчик, чтобы догадаться: Юми не пользовалась популярностью у этой пожилой женщины.

– Она нехорошая женщина!

Сэцуко с упреком похлопала мать по руке, в то время как ее дочь Маю закатила глаза в точности так, как это делают все подростки.

– *Окасаан*⁴, не нужно такое говорить!

– Юми очень знаменита и очень красива, – вставила Маю с подростковой прямоотой. – *Собо*⁵ она не нравится.

Харука сказала что-то еще, и Сэцуко покачала головой, слегка ее наклонив, чтобы скрыть невольную улыбку.

– А что она сказала? – спросила Фиона.

– Одну нашу фразу... – начала объяснять Сэцуко, стараясь сохранить серьезное выражение лица, хотя в ее глазах мерцали искорки смеха. – Если перевести дословно, то получится что-то в роде «Пельмени важнее цветов». Это означает, что нужно ценить практичные вещи, такие как пельмени, которые можно съесть и насытиться, а не красивые. Вроде вашей фразы «одна внешняя красота и никакого содержания».

³ Мама (*яп.*).

⁴ Магушка (*яп.*).

⁵ Бабуля (*яп.*).

– А Юми, – Сэцуко улыбнулась, когда Харука с энтузиазмом кивнула, – какой бы красивой она ни была, не обладает внутренним содержанием. Или, по крайней мере, моя мама так думает...

Сэцуко сказала это таким мягким тоном, что слова прозвучали совершенно не обидно. Маю покачала головой.

– Но это противоречит другим убеждениям собо о том, что мы должны находить красоту в природе и уважать ее.

Сэцуко нахмурилась, глядя на нее, но прежде чем она успела что-либо сказать, Харука покачала головой,

– Это другое! – сказала Харука. – *Ваби-саби*⁶. Ох, не знаю! Вы, молодежь, не понимаете...

– Понимаем, собо, – сказала Маю с безропотной дразнящей ноткой в голосе. Наклонилась и обняла бабушку, одновременно озорно подмигнув Фионе.

– Они просто думают, что понимают, – сказала Харука и тоже подмигнула Фионе поверх склоненной головы внучки. Фионе пришлось сделать большой глоток чая и приложить все усилия, чтобы не фыркнуть от смеха.

Сэцуко, которая видела это, возвела глаза к небу, а затем тепло улыбнулась Фионе.

– Вы все так хорошо говорите по-английски. – Фиона стремилась уладить семейный скандал, хотя, если подумать, то, возможно, ее усилий не требуется: она заметила, что между тремя поколениями так много тепла и неподдельной привязанности.

– Из-за работы мужа мы достаточно долго пробыли в Америке. Сэцуко там выросла, мы прожили там пятнадцать лет.

– Мне потребовалось много времени, чтобы научиться говорить по-японски, – призналась Сэцуко. – Я росла в Америке и хотела вписаться в нее. Я не всегда хотела придерживаться старых обычаев. Конечно, теперь, когда я стала старше, то очень рада, что моя мать поддерживает традиции, поэтому, как мне кажется, я представляю собой хороший баланс между Востоком и Западом.

– Она тоже учится на мастера приготовления чая, – объявила Харука, бросив на дочь гордый взгляд.

– Да, и это очень круто! – сказала Маю, также посылая своей матери дерзкую улыбку. – Особенно когда она так наряжается...

– Как, в кимоно? Я все думала, увижу ли я тут кого-нибудь одетого в кимоно... И очень надеялась, что увижу, – призналась Фиона. Может быть, это тепло котацу, или душевное общение с этими тремя женщинами, или блаженство снова ощутить себя в безопасности, но она чувствовала себя совершенно непринужденно.

– Сейчас японцы, как правило, надевают их только на особые мероприятия, такие как свадьбы, традиционную чайную церемонию или церемонию совершеннолетия.

– То, которое бабушка надевает на чайную церемонию, реально классное, – сказала Маю. Харука склонила голову.

– Оно принадлежало моей *собе*, моей бабушке, оно из очень тяжелого шелка, богато расшитое золотыми нитями. Очень красивое.

– Мне бы так хотелось на него как-нибудь посмотреть, пока я здесь, – сказала Фиона, сразу подумав, что она могла бы написать действительно интересный пост в блоге. – А еще узнать бы, как вы их надеваете, и все различные детали.

Харука хлопнула в ладоши.

– Вы же можете сами примерить! У меня несколько... Есть одно, которое принадлежало моей двоюродной сестре. Она была высокой. Высокой в понимании японцев.

– Это было бы замечательно!

⁶ Ваби-саби – мировоззрение, которое учит находить красоту в несовершенстве.

– Сейчас! – Маю хлопнула в ладоши. – Давайте прямо сейчас!

– Ой, только я еще недостаточно обсохла... – Фиона попыталась отказаться, но Харука проворно вскочила на ноги и пробралась сквозь ширмы сёдзи. Буквально несколько секунд спустя она вернулась, держа целую гору великолепной шелковой ткани, поверх которой выглядывала ее темноволосая голова с мерцающими озорством глазами.

Сэцуко вскочила и захлопала в ладоши.

– О да!

Маю подняла Фиону на ноги, хотя той было немного не по себе, она все еще шаталась и пыталась обрести равновесие, и стала пощипывать ее одежду, словно птица, решительно клюющая семечки.

– Снимайте это, – она потянула Фиону за джемпер.

Сэцуко выбрала деталь одежды из кучи, что лежала на руках у ее матери.

– Сначала нижний слой. – Она протянула белый хлопчатобумажный Т-образный кусок ткани. – *Хададзюбан*.

Следующее, что помнила Фиона: Маю сняла с нее джемпер, а Сэцуко заправила ее руки в широкие квадратные рукава и продела завязки в отверстия под мышками, в то время как Харука наблюдала, одобрительно покачивая головой.

Затем появилось роскошное кимоно, не такое тонкое и легкое, как казалось сначала, потому что великолепный ярко-красный шелк был подбит более плотной тканью. Следуя командам, который мягко давала Сэцуко, Фиона вытянула руки в стороны. Тщательно соблюдая церемонию, Сэцуко просунула ее руки в объемные рукава – Харука и Маю наблюдали, а Харука тихо сияла от гордости.

– Какая красота! – сказала Фиона, уловив момент, чтобы погладить замысловатую вышивку на ткани: черноголовая птица с длинной шеей, изображенная в полете – белые крылья с резными краями, черный хвост и длинные изящные ноги.

– Журавль, – сказала Харука.

– В японской культуре они символизируют удачу; в народных сказках они жили тысячу лет, – объяснила Сэцуко, разглаживая ткань на груди Фионы, затем взяв передние края халата и плотно обернув их вокруг тела девушки. – Всегда слева направо, – сказала она, туже натягивая ткань. – В обратную сторону – для мертвых.

Харука подошла к ним с широкой кремовой лентой, в которой Фиона узнала пояс, что завязывают посередине.

– Как это называется? – спросила она, касаясь кремового шелка.

– Это *оби*, – сказала Харука, протягивая его двумя руками своей дочери.

В кои-то веки Фиона не возражала оказаться в центре внимания, и Сэцуко с улыбкой обернула широкий объемный пояс вокруг талии девушки. После она завязала сзади большой бант, указав на маленькие жесткие стержни, вделанные в ткань для придания ему формы.

Наконец, Фиона, словно принцесса, подняла каждую ногу, чтобы Сэцуко надела ей белые носки и помогла обуться в *гета*, традиционные деревянные сандалии на толстой подошве.

Маю бросилась вперед, качая головой.

– А волосы!

Встав на стул и не обращая внимания, что Харука хмуро на нее взглянула, она откинула с лица Фионы ее светлые с рыжиной волосы и, собрав их в длинную косу, сделала пучок. Затем она резким движением воткнула в волосы бамбуковый гребень, который поцарапал Фионе кожу головы, от чего она поморщилась.

– Так-то лучше. Теперь туда, – Маю прыгнула вниз.

Три дамы отошли назад, чтобы полюбоваться картиной, а Фиона сделала несколько шагов в этих очень странных туфлях, потому что в них можно было делать лишь осторожные, крошечные движения. Хлопчатобумажный хададзюбан ощущался мягким и легким, в то время как

тяжелый шелк кимоно и утягивающий оби стесняли движения. Фиона чувствовала себя будто в коконе, но это с лихвой компенсировалось теплым одобрением и восхищением на лицах трех женщин. Харука хлопнула в ладоши, ее безмятежное лицо озарилось материнской улыбкой, Сэцуко сияла от радости, а Маю кивнула, наклонив голову и сложив руки на груди, а ее губы растянулись в одобрительном выражении – так обычно делают подростки.

На столе зазвонил телефон Фионы – видеозвонок. Маю подошла, чтобы взять его и передать Фионе, но та, вздрогнув, отрицательно покачала головой.

– Нет, я потом перезвоню. – Она раскинула руки и слегка покружилась перед своими зрителями, не желая разрушать создавшуюся атмосферу. Хотя она все так же была на фут выше трех миниатюрных женщин, сейчас Фиона не ощущала себя чужой, не чувствовала, будто лишь смотрит на них со стороны.

– Хотите, я вас сфотографирую? – спросила Сэцуко.

Фиона на мгновение задумалась; на самом деле она не любила фотографироваться. Если объектив направляли в ее сторону, то она сразу вся напряглась и чувствовала себя неловко. Однако фотографии в кимоно идеально подошли бы для блога, и ей правда захотелось запечатлеть этот прекрасный момент. А еще у нее родилась идея: сфотографировать три поколения женщин вместе.

– Я принесу! – Маю вскочила, но остановилась в дверях, ожидая разрешения, и по кивку Фионы выбежала из комнаты.

Снимать захотела Маю, и она очень быстро училась – Фиона показала ей основные элементы управления зеркальной камерой, и она сразу начала изображать папарацци, отчего вскоре все в голос смеялись.

– Вот так, дорогая! Улыбнитесь мне, Фиона! Сделаем это, детка! Еще! Еще!

В компании этого восторженного подростка, которая постоянно шутила и хихикала, было так легко расслабиться, что Фиона перестала стесняться: она подумала, что после можно будет легко удалить большинство снимков. К тому же она всегда может отрезать на фотографиях себе голову, если те мучительные гримасы, с которыми ее обычно запечатлевают, будут реально ужасные.

День выдался насыщенный. Был момент, когда Фионе по-настоящему сильно захотелось домой. Ложась спать, она думала о том, как радушно приняли ее эти три женщины. Может быть, если хорошенько поразмыслить, Япония не такая уж чуждая страна... Здесь тоже любят, смеются и заботятся друг о друге – эти ценности разделяют все люди в мире.

Глава 4

Перед сном, оставив теплую компанию трех женщин, Фиона проверила телефон и обнаружила на нем множество сообщений – мама была недовольна. Фиона не могла решиться ей перезвонить, понимая, что разговор будет воинственный. Ее мать на самом деле была против этой поездки в Японию. Фиона быстро прикинула, что если она позвонит в семь утра следующего дня, то в Англии будет десять вечера. Поэтому она лишь отправила короткое сообщение, объяснив, что очень устала за день и поэтому позвонит позже.

Матрас-фuton оказался гораздо удобнее, чем она ожидала. Укрывшись толстым мягким одеялом (опять же столь непохожим на ее домашнее), она уютно устроилась и, несмотря на то, что день выдался непростой, лишь выключив свет, погрузилась в глубокий сон без сновидений.

Она проснулась от звука своего телефона и, еще толком не открыв глаза, ответила на видеозвонок.

– Фиона, я так испереживалась за тебя!

Фиона вздохнула. Мама задала тон разговора, не дав Фионе поделиться своими радостными открытиями: стол катацу, кимоно, приготовленная Харукой на ужин вкусная курица кацу в панировке и выставка фотографий.

– И тебе привет. – Она зевнула и откинула волосы с лица. – А почему ты переживаешь?

– Просто ты писала мне такие короткие сообщения! Могло же случиться все, что угодно, а утром ты даже не позвонила!

– Мама, – прошло две секунды, а терпению Фионы уже подходил конец. – Япония считается одной из самых безопасных стран в мире.

– Может, так кто-то и считает, но я-то сама этого не могу проверить! От тебя нет новостей, что мне делать? Конечно, я переживаю!

Фиона проигнорировала ее последнее замечание.

– Я тебе позвонила, как только приземлилась.

А потом писала ей вчера утром и вечером. К счастью, из-за девятичасовой разницы во времени мама будет спать, когда здесь середина дня, так что ей удастся избежать разговора с ней... но не сейчас.

– Знаешь, у меня ужасное предчувствие...

Фиона улыбнулась, скрывая свое раздражение.

– Ты принимаешь лекарство?

– Да, – ответила мама с возмущением. – Конечно, я принимаю лекарство! Я же не маразматичка какая-нибудь! А доктор Смитсон в прошлый раз так грубо себя со мной вел!

– Да не вел он себя грубо! Просто пытался убедить тебя, что очень важно принимать таблетки от давления.

– Ну, мое давление наверняка зашкаливает, когда моя единственная дочь так далеко... одна... в другой стране... С тобой может случиться все, что угодно!

Прежде чем ее мать смогла начать перечислять ужасные вещи, которые случались с одинокими женщинами-путешественницами на протяжении многих лет, Фиона решила напомнить ей, что она не одна:

– Семья, у которой я остановилась, очень добрая, и все прекрасно говорят по-английски.

Сейчас было бы самое время рассказать о примерке кимоно, но Фиона не хотела портить это прекрасное воспоминание – она так тепло и душевно провела вечер. Вместо этого она, не подумав как следует, выбрала более безопасную тему для разговора:

– И в течение дня со мной все время будет Гейб.

Ну, вчера же он возил ее в разные места, а потом забирал, как нежеланную посылку, которую предпочел бы вернуть отправителю.

– С Гейбом?! Кто такой Гейб? Я думала, ты будешь с Ютакой Араки!

Забавно, когда маме было нужно, ее вялость куда-то мгновенно испарялась. На этот раз Фиона вздохнула по-настоящему. Роковая ошибка...

– К сожалению, в семье у мистера Араки случилась тяжелая утрата, поэтому он не сможет быть моим наставником.

Мама, казалось, пребывала в шоке, потеряв дар речи по крайней мере секунд на пять, и на мгновение Фиона подумала, что этот разговор можно будет не продолжать.

– Так ты хочешь сказать, что столько пролетела просто так? Вот знала же, не надо было никуда ехать, я же тебе говорила!

– Мам, все в порядке. Мне предоставили другого наставника.

– Ну, ясное дело, предоставили, но он вряд ли сравнится с Ютакой Араки, да ведь?

Конечно, у мамы много свободного времени, и она нагуглила информацию о нем. После того, как несколько недель она ныла, теперь вдруг решила восхищаться!

– Я правда думаю, что ты совершила ужасную ошибку...

– Он очень хороший фотограф. Я многому научусь.

– Кто? Разве можно найти с бухты-барухты равноценную замену?! Тебя пытаются надуть – дали кого-то, кто и рядом не стоял с самим Ютакой Араки. Ты знаешь, что его снимки выставлены в музеях и галереях по всему миру? Нью-Йорк, Бостон, Токио... – Фиона, уже не скрывая, закатила глаза; вчера она видела некоторые его работы. – Сидней, Торонто. Ну и скажи мне, кого нашли ему на замену?

Фиона взвесила все «за» и «против», и, хотя чаша весов склонилась не туда, куда хотелось бы, все же честность – правильная стратегия, и лучше все рассказать и покончить с этим. Никогда не знаешь, что может отвлечь мать от ее здоровья.

– Мой наставник...

О боже, она сейчас это скажет... Она смотрела прямо на экран, на дрожащие руки своей матери и ее хрупкую фигуру, сидящую в кресле с высокой спинкой, которое больше подходило пожилому, немощному человеку, а не женщине, которой нет еще и пятидесяти.

– Кто?

– Габриэль Бернетт.

Эта новость по-настоящему потрясла мать: сначала она замолчала, а затем, словно героиня мелодрамы, в ужасе схватилась за горло.

– Габриэль Бернетт! Человек, который разрушил твою жизнь! – Лицо матери исказилось. – Кажется, у меня спазм!

– Мама, ты не миссис Беннет из «Гордости и предубеждения», у людей не бывает спазмов. И он не разрушал мою жизнь.

Просто немного изменил ее курс...

– Габриэль Бернетт... – Ее мать покачала головой. – Габриэль Бернетт... И что он сказал? Надеюсь, он извинился.

– Он меня не узнал, и ему не за что извиняться.

– Ой-ой-ой... Я все-таки думаю, это ошибка.

– Он очень хороший фотограф, и я могу у него поучиться.

– Ну, ты уже многому научилась у него в прошлый раз, правда же? Я-то думала, один раз на грабли наступишь...

– Мам, это было давно. – Фиона перевела взгляд на окно, сквозь края жалюзи пробивался яркий солнечный свет, словно пытаясь выманить ее наружу. – Мне было восемнадцать, и я была такая молодая и глупая...

Фиона почувствовала, как краска смущения заливает щеки. Боже, она была невероятно молодая и глупая. Такая наивная и такая нескладная. И да, из-за этого она изводила себя годами, не без поддержки мамы, любящей все излишне драматизировать. Пока Фиона не рас-

сказала обо всем Аврил, которая смеялась над ней до упаду и сказала, что это совершенно нормальное поведение для подростка, который немного запутался, и что она должна перестать так волноваться по этому поводу. Все делают глупости в молодости. Ее точными словами были: «Да забей ты!»

Оглядываясь назад, Фиона все задавалась вопросом: возможно, если бы тогда ее мать отнеслась ко всему более рационально и взвешенно, то она могла бы гораздо раньше примириться с этим глупым эпизодом своей жизни и быстрее разобраться с последовавшим за ним буллингом в школе.

– Ну, просто будь с ним поосторожнее. Такие люди, как он, не меняются...

– Как я уже сказала, он меня даже не помнит. Так или иначе, мне нужно идти. Гейб заедет за мной, и мы поедем посмотреть «Токийское небесное дерево».

Вообще-то он собирался прийти только к обеду, но маме не нужно было об этом знать – пусть думает, что у нее великолепное утро! Фионе не терпелось немного осмотреться: она ничего не видела ни в саду, ни в чайном магазинчике.

– Ты правда планируешь с ним поехать? Думаешь, это хорошая идея? Но ты же не собираешься влюбляться в него снова, да?

– Нет, мам. Я уже не глупая, впечатлительная девушка-подросток. Он даже меня ни капельки не привлекает.

– Ну, я все равно не в восторге. – Мама прижала руку к груди. – Мне кажется, у меня участилось сердцебиение.

– Мам, все с тобой в порядке. Сделай себе чашечку хорошего чая. Я говорила, что леди, у которой я остановилась, – мастер чая? Это целое искусство в Японии. И у нее свой чайный магазин. И она проводит чайные церемонии. Думаю, на это будет интересно посмотреть, да?

Ее мать фыркнула:

– Ага, очень интересно. Может, и мне привезешь чая. В конце концов, японцы – невероятно здоровая нация!

Фиона сдержала улыбку, радуясь, что ей удалось переключить разговор с мамой на другую тему.

Последние несколько минут беседы они разговаривали про чай, затем Фиона с огромной радостью попрощалась с мамой и поставила телефон на зарядку.

Ее раздражало, что мама считала, будто она снова может влюбиться в Гейба. Ей уже почти тридцать, и она уже не та импульсивная восемнадцатилетняя девушка! Гейб Бернетт сейчас не оказывал на нее никакого влияния. Она теперь слишком разумная и взрослая, чтобы попасться на удочку его внешности и обаяния, которые он успел подрастерять.

Окончательно проснувшись, Фиона, заведенная после общения с матерью, встала и быстро оделась. Звали свежий воздух и солнечный свет.

Захватив с собой фотоаппарат, она осторожно спустилась по лестнице и вышла из дома, нигде не заметив никаких признаков жизни. Перейдя на другую сторону улицы, она быстро сделала пару снимков прекрасного пейзажа, и только потом заметила, что в окне чайного магазинчика стоит Сэцуко и ее подзывает.

В следующую минуту она была у двери.

– Доброе утро, Фиона-сан! Хорошо спали?

– Хорошо... пока мама не позвонила.

Она попыталась скрыть чувство досады, от которого внутри у нее было тяжело и неприятно. Сэцуко, наверно, этого не одобрит... Японские семьи славятся тем, что в них принято заботиться о старших, и она сама, казалось, очень близка с матерью.

Ясные темные глаза Сэцуко изучали ее лицо.

– Все хорошо? – спросила она в своей деликатной манере.

– Просто прекрасно... – сказала Фиона, теперь уже виновато. Мама у нее была не такая уж плохая, просто одинокая и страдающая от скуки женщина – именно из-за этого она сосредоточила все внимание на своем здоровье и единственной дочери.

Сэцуко подняла изящную бровь:

– Думаю, вам нужна чашка чая. Пойдемте!

Она повернулась и направилась в магазин.

Сэцуко поспешила в открытую дверь, даже не останавливаясь и не проверяя, следует ли Фиона за ней. Девушка зашла, осмотрелась и поразилась причудливому интерьеру. Как будто попала в прошлое! В этом маленьком, но идеально оформленном магазине царила атмосфера безмолвия. Больше всего Фиону поразило то, что все было сделано из натуральных материалов: от обшитых деревянными панелями стен и бамбуковых табуретов до обитых материей мягких скамеек из темного дерева и льняных занавесок рядом с (уже ей знакомыми) ширмами сёдзи. Через большое эркерное окно мягко лился свет, делая видимыми пылинки, что кружились в воздухе, будто крошечные феи. Одна стена магазина от пола до потолка была заставлена стеллажами: на полках стояли большие черные лакированные банки с чаем, на каждой из которых – изящные золотые надписи на японском, обещающие секреты и волшебство. На небольшом прилавке напротив лежали маленькие открытые мешочки, полные разных чаев, свернутых, как крошечные гусенички, кусочки коры и сушеные травы – от них исходили ароматы жасмина, дыма и трав. Это место напоминало пещеру волшебника, где колдовские смеси подавали в изящных чайниках, покрытых бледно-голубой, зеленой и бронзовой глазурью, разливая их по фарфоровым чашкам, которые так приятно держать в руках.

Сэцуко находилась в соседней комнате – крошечной, можно сказать, примитивной кухне с плитой размером со сковороду, полной раскаленных углей, на которой стоял большой медный чайник. Фиона никогда не видела ничего подобного и не могла себе представить, как Сэцуко умудряется работать в таком маленьком помещении, хотя оно было прекрасно организовано – все аккуратно разложено на бамбуковых полках. Из современных предметов были лишь электрическая рисоварка да калькулятор, что лежал около бамбуковой чаши и деревянной посуды.

Сэцуко поставила на красный лакированный поднос матово-черный чайник с изогнутой бамбуковой ручкой и две чашки, покрытые по краям бирюзовой глазурью, которая к низу переходила в темно-синюю. Налив из большого медного чайника кипятка в заварочный чайник, она жестом пригласила Фиону следовать за ней к одному из столиков. Оттуда открывался вид на другую сторону здания, в тайный сад, скрытый пологом зеленого кустарника.

Как только она села за столик, то вся тяжесть свалилась с плеч, ослабла вся та давнейшая боль, которую ее матери всегда удавалось разбудить. Находиться здесь было все равно что скрываться в убежище, отгороженном от остального мира и связанных с ним забот.

– Как красиво! Тут так... – она не могла подобрать слова. Романтично, неземно, так традиционно. Сэцуко разлила чай по чашкам и протянула одну Фионе.

– Это место, где можно размышлять или просто побыть. Или поговорить и поделиться тем, что на душе...

Фиона изучала бледно-зеленую жидкость, пар доносил аромат травы и сосны. Поделиться... Она редко это делала.

– Это моя чайная смесь, – сказала Сэцуко, обхватив чашку ладонями и кланяясь Фионе. – Здесь содержатся сорта зеленого чая канаямидори и саяма каори.

– Мне нравится... как вы их называете? – Она указала на чашки без ручек.

– *Чаван*. Или чашка матча.

Сэцуко обратила взор в свою чашку, олицетворяя смирение и уважение, и между ними воцарилось молчание. Тишина в комнате создавала завораживающее ощущение спокойствия. На лице Фионы появилась улыбка:

– Теперь мне захотелось вам кое-что рассказать...

– Вы не обязаны мне ничего рассказывать! Я просто хотела, чтобы вы ощутили покой. Фиона изучала свою скромную хозяйку.

– И вам это удалось... Благодарю!

– Я знаю, каково это – чувствовать себя... не в своей тарелке.

– Вы знаете? – Фиона удивилась. Сэцуко, казалось, была воплощением безмятежности. Грациозно наклонив голову, она улыбнулась от того, что Фиона ей не поверила.

– Когда мы вернулись в Японию, я была подростком. Американским подростком. Ненавидела родителей за то, что они увезли меня от всего мне знакомого. Япония казалась чужой и другой, хотя в чем-то знакомой. Это выбило меня из колеи, но вместо того, чтобы учиться, я сопротивлялась... Сопротивлялась всему. Думаешь, Маю непокорная... – Она засмеялась. – С ней-то легко... Чтобы угомонилась я, потребовалось много времени. Чтобы я поняла, что это мой дом. Поняла, что традиции приносят умиротворение и гармонию. Я очень усложнила жизнь своей матери.

Фиона подняла брови. Сэцуко казалась такой спокойной и нежной, что в это было трудно поверить.

– Моя мать – замечательная женщина. И очень мудрая. Она не пыталась меня перебороть. То есть делала это не таким очевидным образом. Просто сама вернулась к традициям и познакомила меня с ними. Она никогда не заставляла меня что-либо делать и не настаивала на том, чтобы я следовала старым обычаям, и постепенно я сама убедилась, что в них – красота и покой. Маю жалуется, что мы заставляем ее ходить любоваться сакурой, на цветение вишни, каждый год... но мы никогда не настаиваем. Выбор всегда за ней. И она всегда выбирает пойти. Она притворяется, что семья для нее не так уж важна, но она любит свою собо.

Фиона сделала глоток ароматного чая.

– Подростковый возраст – трудный период для ребенка в любой стране.

– Согласна... Мы себя совсем еще не знаем, хотя думаем, что знаем...

– Хорошо сказано...

Фиону эта мысль поразила. Она придавала слишком большое значение юношеской ошибке, над которой следовало бы просто посмеяться.

Они выпили остаток чая в тишине. Пару раз Фиона подумывала о том, чтобы рассказать Сэцуко о случившемся, но собеседница не подталкивала ее к разговору: на ее лице не было голодного, ожидающего выражения; казалось, она погрузилась в свои мысли, и они унесли ее куда-то далеко-далеко. Поэтому Фиона просто сидела в этой уютной комнате, прислонившись к стене, и потягивала чай, позволяя захлестнуть себя воспоминаниям.

Ей было восемнадцать. Их с Эви Бланделл (не самая ее лучшая подруга, просто они вместе увлекались фотографией) учитель рисования удостоил чести провести половину семестра в художественном лагере в Лондоне, в том самом октябре перед выпускными экзаменами. Фиона поднесла чашку к лицу, вдыхая аромат чая, вспоминая то юношеское волнение, когда они вдвоем садились на поезд. Осенний день был окрашен в красновато-коричневые тона, солнечные лучи пробивались сквозь листву деревьев, предвещая утро, полное обещаний и надежд.

Первый день превзошел все ожидания: они оказались в студенческой среде, где к ним относились как к молодым взрослым, преподавателей можно было называть по имени, а не держать формальную дистанцию, как в школе. Фиона про себя улыбнулась. К концу первой недели они с Эви вообразили себя вполне взрослыми, чувствовали себя настоящей элитой: регулярно ездили в Лондон и общались с учениками чуть постарше. Хотя все в классе были одинаково поражены после того, как объявили, что на следующей неделе их преподавателем будет Габриэль Бернетт. Сам Габриэль Бернетт! Даже крутые ребята были впечатлены.

Даже сейчас Фиона помнила, как впервые его увидела. У Габриэля Бернетта были самые голубые глаза на свете. В первое утро он немного опоздал и извинился так очаровательно и

непринужденно, что взволнованный класс сразу же успокоился. Должно быть, он привык находиться в кругу моделей и знаменитостей, но и с учащимися он общался на равных.

– Он просто великолепен, да? – Фиона вздохнула, глядя на него со второго ряда сзади.

– Еще как... но он совершенно для нас недосыгаем... – со вздохом согласилась Эви. Она рассматривала его, подперев рукой подбородок.

– Эти глаза, – прошептала Фиона, и, как только она это произнесла, он резко поднял взгляд и стал пристально смотреть прямо на нее, как будто ее услышал. Внутри у нее все дрожало, пока они смотрели друг другу в глаза... целую вечность – ну, по крайней мере, ей показалось, что целую вечность.

– Линзы это. Скорее всего, – сказала Эви и разрушила все волшебство момента. – Но он такой накачанный. Только посмотри на эту задницу!

Но Фиона была слишком занята разглядыванием его высоких скул и довольно длинных волос, убранных с лица и стянутых кожаным ремешком – это казалось отчаянно гламурным и поразительно божественным одновременно. Сердце в ее груди трепетало, как бабочка, порхающая с цветка на цветок.

И он был таким милым. Таким дружелюбным. Болтал со всеми подряд. Она думала, что он будет высокомерным и самодовольным, но нет. Он был прекрасен...

Кульминация недели наступила в среду, когда он обратил особое внимание на одну из ее фотографий, при этом склонился над ней так близко, что она даже увидела крошечные точки щетины на его коже и почувствовала запах его лосьона после бритья – древесный, утонченный аромат, от которого у нее перехватило дыхание.

– Великолепная композиция, Фиона! – Ее сердце бешено заколотилось в груди. Он. Знал. Ее. Имя. – Мне нравится, что ты здесь сделала четкий фон, – он положил руку ей на плечо и наклонился еще ближе, чтобы указать на что-то на снимке. – И этот небольшой участок света... Превосходная работа!

Она сглотнула и повернула голову, встретившись с ним взглядом, и увидела в его глазах внезапную вспышку. Ее прошиб горячий пот. Он тоже это чувствовал. Он улыбнулся ей:

– Очень хорошая работа, Фиона!

А затем, как ни в чем не бывало, он выпрямился и подошел к следующему ученику. Но ей это не почудилось. Она нравилась Габриэлю Бернетту.

– Я поняла это по тому, как он на меня смотрит, – рассказывала она Эви по дороге домой в тот вечер.

– Да он на всех так смотрит, – сказала Эви, которая явно завидовала, потому что ее работу Гейб не похвалил. – Если честно, это как-то пошло даже.

Но Фиона не согласилась; когда он заговорил с ней, она правда почувствовала, что между ними что-то есть.

Фиона вздрогнула от ярких воспоминаний, и Сэцуко обратила к ней свои очаровательные, как у лани, глаза.

– Я его поцеловала, – внезапно выпалила Фиона.

Одна бровь у Сэцуко изящно изогнулась в безмолвном вопросе.

– Гейба Бернетта. Когда мне было восемнадцать. Он был моим учителем. – Она издала не то всхлип, не то хихиканье. – Как в песне у «Аббы», «Я поцеловала учителя».

Обе брови Сэцуко удивленно приподнялись.

– Знаю... – Фиона глубоко вздохнула, ужаснувшись тому, что она вот так сама все разболтала. – Не знаю, почему я вам все это рассказываю...

– Возможно, потому что вам это нужно.

– Я его поцеловала. Он стоял передо мной, в коридоре. Был конец недели, и я знала, что, возможно, никогда больше его не увижу. Просто я была от него без ума. И по глупости

убедила себя, что он чувствовал то же самое. Поэтому я встала на цыпочки. И поцеловала его. Прямо в губы.

Она сделала паузу, внимательно наблюдая за реакцией Сэцуко. Теперь Сэцуко стала улыбаться.

– Вы поцеловали Гейба-сана... – На ее губах появилась застенчивая улыбка, а на щеках – ямочки.

Фиона кивнула.

Сэцуко хихикнула, издав недостойный леди шмыгающий звук – совершенно не похоже на ее обычные изящные манеры.

– Поцеловали Гейба. – Она прикрыла рот ладонями, в ее глазах плясали веселые огоньки.

Фиона, вспомнив этот момент, внезапно осознала всю нелепость своего поступка. Тот быстрый, поспешный бросок к его губам. Она улыбнулась в ответ Сэцуко, и та перестала хихикать.

– Да, знаю... Это все дурацкие подростковые гормоны!..

И когда она расслабилась и, вырвавшись из оков стыда, которые преследовали ее столько лет, посмотрела на произошедшее просто как на забавный случай, в памяти внезапно всплыло еще кое-что: его руки, теплые и уверенные, опустились на ее бедра. Сердце замерло. С невероятным потрясением она вдруг четко вспомнила, как его губы тоже двигались... Он. Поцеловал. Ее. В ответ.

Она села прямо, и ей пришлось положить руку на грудь, чтобы как-то унять нелепое, бешено колотившееся сердце. Гейб поцеловал ее в ответ... а она совершенно об этом забыла. Это воспоминание было похоронено подо всем, что последовало дальше. Не то чтобы сейчас это имело значение, но это отчасти компенсировало все то смущение. Позор... который за всем этим последовал.

– А что случилось потом? – спросила Сэцуко, распахнув миндалевидные глаза. Теперь она даже не пыталась вести себя сдержанно.

– Не знаю, кто из нас больше был в шоке: он или я. А потом, – она стала серьезной, – из-за угла появилась моя подруга Эви... моя так называемая подруга. Гейб уже отталкивал меня. Он, должно быть, был в ужасе от того, что на него набросилась такая, как я... То есть он же встречается только с утонченными моделями, знаменитыми актрисами... такими, как Юми. Но Эви увидела достаточно. Потом я рассказала ей, что сделала. Хотя это было и так очевидно...

Фиона поморщилась, боль была такой же острой, как и всегда. Сэцуко вздрогнула.

– Случилось что-то плохое...

– Эви рассказала всем в школе о том, что я сделала и что Гейб меня отверг... Это было ужасно... Все надо мной смеялись... Пара учителей отнеслись к этому крайне неодобрительно. И в течение нескольких недель я старалась никому не показываться на глаза, надеясь, что все пройдет, но потом, в конце семестра, на ежегодном шоу талантов, Эви с парой других девушек исполнила ту самую песню «Аббы». На этот раз все в школе узнали.

– Ужасно... – Сэцуко положила прохладную ладонь на ее руку.

– Мои надежды на то, что все уляжется, не сбылись, девочки сделали только хуже. Я не могла ходить в школу. Меня тошнило каждый день. В конце концов я рассказала обо всем, что произошло, маме, и... она прямо помогла на славу!

Вот только на самом деле наоборот. Мама превратила все в мелодраму. Подняла шум и сказала, что ее дочь не вернется в эту школу. Она останется дома. И это было худшее, что Фиона могла сделать. Самоизолировалась.

– Я не вернулась к учебе. Не стала сдавать экзамены. Не пыталась поступить в университет. Начала проводить много времени в интернете и вести блог. И... что ж, тоже неплохо, – она пожала плечами; на развитие блога ушло много времени. – А потом, пару лет назад, мои посты начали набирать лайки, и я начала куда-то ходить и знакомиться с людьми в реальной

жизни, а не только онлайн. У меня появилось несколько друзей, которые меня вдохновляют и подталкивают что-то делать. Кстати, моя подруга Аврил как раз предложила мне принять участие в конкурсе. И вот я и приехала сюда...

Губы Сэцуко сложились в красивую маленькую букву «о».

– И вы понятия не имели, что встретите Гейба-сана.

– Нет, – сказала Фиона. – Хотя он меня не узнал.

– А вы ему расскажете?

– Боже, нет! Это было бы так неловко.

– Возможно, он был бы польщен.

– Посмотрите на меня. Он общается с такими людьми, как Юми.

– Но внутри она не очень красива, – сказала Сэцуко с неожиданной суровостью. – А у тебя есть то, что мы называем *сибуй*.

– А что это? – Фиона наклонилась, желая узнать больше о японской культуре.

– Сибуй – это простота, скромность, естественность, повседневность... Вы – это вы. Не пытаетесь быть кем-то другим, кем не являетесь. Возможно, с одной стороны, вас нельзя назвать яркой, но с другой... – она улыбнулась. – Сегодня, когда вы разговаривали, я заметила огонек в ваших глазах, особенно когда вы говорили о Гейбе. Ваша внешность ненавязчива, но волосы обладают утонченной красотой. И вы очень хорошо воспитаны. Это и есть сибуй.

Фиона улыбнулась.

– Что ж, я рада. Моей маме было бы приятно услышать, что я хорошо воспитана.

– Вот почему вы сразу понравились моей матери. Вы вежливы. Вы слушаете и проявляете уважение. Выражаете заинтересованность.

– А как же иначе? Ваша страна зачаровывает. А это... – она махнула рукой, указывая на чайную, – это такой контраст с Токио, который я видела вчера.

Сэцуко улыбнулась.

– И есть на что еще посмотреть...

Фиона почувствовала, как ее сердце внезапно расцвело, словно цветок, распускающийся из бутона.

– Есть. – Она расплылась в улыбке, глядя на свою собеседницу, понимая, что хочет знать больше: больше о городе, культуре, искусстве... Боже, так много всего!

– Спасибо, Сэцуко! Этим утром вы открыли мне глаза...

Глава 5

Оставив Сэцуко в чайном магазине, Фиона вернулась в дом, где рядом с ней засуетилась Харука, которая изысканно сервировала завтрак: крошечные квадратные тарелочки со свежими и маринованными овощами, а также маленькие мисочки с дымящимся мисо-супом и приготовленным на пару рисом.

Мгновение Фиона рассматривала, как идеально все было расставлено на столе, с вниманием к деталям, поражаясь труду, затраченному на приготовление завтрака. Это вам не «быстро перехватить миску хлопьев утром, стоя у раковины». Глядя на все эти маленькие чашечки и блюдца на красно-черном с золотом лакированном подносе, она почувствовала себя практически в ресторане – Харука явно приложила огромные усилия.

– Спасибо! – сказала она хозяйке, закусив губу, раздумывая, с чего бы начать. Харука, как неизменно щедрая и добрая хозяйка, тут же шагнула вперед и, похлопав свою гостью по плечу, села напротив.

– Это мисо-суп. Очень хорошо с него начинать день. От него приятно внутри. Согревает тело. Вот это – маринованный имбирь, а вот – салат.

– Так вкусно пахнет, – нерешительно сказала Фиона.

Суп на завтрак? Это что-то новенькое... Но всем известно, что среди японцев очень много долгожителей, и все женщины, которых видела Фиона, были исключительно подтянутыми. Здешний рацион славился сбалансированностью питательных веществ... Кто она такая, чтобы спорить? Подражая хозяйке, она взяла миску и осторожно отхлебнула горячий суп. Тем временем Харука наблюдала за ней, подобно матери, предвкушающей увидеть первые шаги своего ребенка.

– Ммм... – сказала Фиона, удивленная чистым, ярким вкусом. – Просто восхитительно!

Она сделала еще один жадный глоток ароматного супа, подумывая, что вполне могла бы привыкнуть к такой еде. Затем она взяла палочки и попыталась с их помощью зачерпнуть из миски рис, но уронила половину на стол, и Харука цокнула языком.

– Извините, – сказала Фиона.

– Вот так. – Харука еще раз показала Фионе, как правильно держать деревянные палочки: положила ее пальцы на них и пододвинула миску к ее рукам и ко рту. Это напомнило ей о том, как Гейб вчера касался ее руки, от чего у нее все внутри затрепетало.

– Ага, так гораздо проще, – сказала Фиона, стараясь не думать о Гейбе и набирая полный рот холодного клейкого риса. Хоть он и отличался от того, что они готовили дома, но у него была свежесть и ореховый привкус. Сочетание риса, супа и маринованного имбиря было легким, острым и чистым, и, хотя этот вкус был совершенно незнакомым, Фиона наслаждалась каждым кусочком. Сейчас она, как никогда, была открыта всему новому, возможно, благодаря утреннему чаепитию с Сэцуко.

В конце трапезы Харука принесла аппетитное блюдо с красиво разложенными фруктами: ломтики сочного мандарина, так тщательно очищенные от кожуры, что не осталось ни единого белого пятнышка, нарезанные сердечки ярко-красной клубники, которые выглядели слишком красиво, чтобы их можно было есть, и прозрачные тонкие ломтики дыни с медовой росой.

– Это слишком прекрасно, чтобы даже трогать, не то чтобы есть.

– Нет-нет! Ешьте! Все свежее, только сегодня с рынка!

Харука расплылась в улыбке, глядя, как гостя, вздохнув, стала наслаждаться сладостью клубники и ароматом мандаринов.

– Спасибо за такой прекрасный завтрак! Обычно я ем только тосты и хлопья. Ни то ни другое, по-моему, не особо полезно.

– В нашем рационе очень мало хлеба, – объяснила Харука. – А на Западе его едят слишком много. Это вредно для... – Она похлопала себя по животу.

– Да, вы правы. А ваш завтрак такой легкий! – Она совершенно не чувствовала, что переела, и не испытывала других неприятных ощущений.

Харука убирала посуду, настояв на том, что ей не нужна помощь, хотя Фиона предлагала. Она посмотрела на часы. Меньше чем через час за ней должен заехать Гейб. И она уже готова: через плечо перекинута сумка с камерой и блокнотом. Ей хотелось сделать в блоге что-то вроде путеводителя для туристов по Токио, и для этого она планировала записать названия станций (которые она все никак не запомнит!) и маршруты до главных достопримечательностей. Сегодня Гейб должен отвести ее в «Небесное дерево», самое высокое здание в Японии и (как накануне вечером с гордостью сказала ей Маю) самую высокую башню в мире. Фиона улыбнулась. «Все так относительно», – подумала она.

– Не возражаете, если я сделаю несколько снимков дома? – спросила она Харуку. – Я бы хотела разместить их в своем блоге и написать о том, каково это – жить в японском доме; он совершенно не похож на наш. Особенно туалет.

У нее не хватило смелости спросить хозяйку обо всех кнопках и символах на унитазе. Все казалось таким высокотехнологичным и сложным... Еще ее очаровало одно изящное решение: раковина была расположена над бачком унитаза, поэтому вода после мытья рук использовалась для слива. Просто гениально!

Только она встала, ее телефон пискнул.

Неожиданно на меня свалилось много работы, и, боюсь, сегодня я целый день буду занят в студии. Придется отложить нашу поездку. Заехать за тобой в то же время завтра?

Фиона бросила телефон на стол.

– Даже не верится! – сказала она, искренне застонав от обиды. – Гейб отменил сегодняшнюю поездку...

Харука нахмурилась.

– Это очень невежливо! Он приболел?

– Нет, написал, что ему нужно работать.

Ее рот сложился в тонкую линию, Харука выглядела крайне сердитой – настолько сердитой, насколько это было возможно с ее прекрасным безмятежным лицом.

– Вы могли бы пойти с ним на работу. Как раз была бы стажировка! Мне очень жаль...

– Все в порядке. – Фиона поморщилась. Хотя, конечно, какой уж тут порядок. Ей не терпелось начать сегодня и сделать хоть пару снимков для своей выставки.

– Нет, ничего не в порядке! – сказала Харука, быстро моргая, ее руки заерзали на столе.

Фиона коснулась взволнованной женщины и тихо произнесла:

– Вы же ни в чем не виноваты.

– Ты гость в нашей стране. Это в высшей степени невежливо и очень не похоже на Габриэля. Я в нем разочарована.

– Все нормально. Займусь чем-нибудь другим. Тем более я уже немного ориентируюсь в метро...

Харука проигнорировала эту не особо смешную шутку и похлопала ее по руке.

– Зеленый чай. Я приготовлю чай, а потом мы решим, что делать...

Фиона едва заметно улыбнулась тому, как по-английски это прозвучало – чай и сочувствие, – и наблюдала, как Харука, закатывая рукава и шурша тапочками по циновкам татами, деловито направилась обратно на кухню.

Девушка последовала за ней, и Харука, указав ей, куда присесть, поставила греться воду на газовую конфорку. Кухня была очень скромной и компактной по сравнению с захлавленной

ным домом ее матери, и лишь спустя некоторое время она поняла, чего здесь не хватает... Нет духовки. Единственным способом приготовления пищи, по-видимому, были газовые конфорки на маленькой плите, но это, казалось, для Харуки не было проблемой. И все равно эта кухня по сравнению с закутком в чайном магазинчике выглядела очень современной.

Поставив почерневшую кастрюлю на конфорку, пожилая женщина начала яростно тыкать пальцем в телефоне.

– Вы ведь не пишете Гейбу, да? – спросила Фиона с легкой тревогой.

– Нет.

Получив четкий ответ, она не стала больше ничего спрашивать и просто тихо сидела, гадая, что будет дальше. И лишь когда Харука разлила чай в две фарфоровые чаши и протянула одну из них двумя руками, как обычно с легким поклоном, Фиона произнесла:

– Спасибо!

Харука продолжала поглядывать на телефон.

– А откуда вы знаете Гейба? – задала Фиона вопрос, который мучил ее со вчерашнего дня.

– Он приехал преподавать в университете на шесть месяцев, и мой муж пригласил его задержаться. Потом у него появилось много работы, и он решил остаться. Когда освободилась наша квартира, то он в нее переехал и переделал несколько комнат в студию, – она нежно улыбнулась. – Он мне как сын... – затем она нахмурилась. – А потом он встретил Юми.

– Она вам не нравится.

– От нее одни неприятности, – очень по-американски сказала она, но, к разочарованию Фионы, не стала вдаваться в подробности, возможно, потому, что ее телефон внезапно зазвонил. Она схватила его и начала быстро говорить. Фиона слушала, удивляясь незнакомому языку с его совершенно иными интонациями и сосредоточенному выражению лица Харуки. Хозяйка дома говорила, словно разъяренный военачальник, выкрикивающий указания подчиненному.

Когда она положила трубку, то снова лучезарно ей улыбнулась. «Генеральша» изложила свой «план сражения»:

– Утром Маю съездит с вами в одно место, а потом мы отправимся в парк Уэно. Он недалеко, и сейчас как раз подходящее время для *Ханами*.

– Сезон любования цветением сакуры, – сказала Фиона, вспомнив фразу из путеводителя.

Харука, явно довольная ее ответом, кивнула, словно мудрая сова.

– Сегодня днем мы с Сэцуко отвезем вас навестить сакуру.

– Цветущая вишня, – сказала Фиона, Харука еще раз слегка кивнула, и девушка почувствовала себя настоящей отличницей.

– Но сначала Маю! Сегодня у нее нет занятий. Вы вместе поедете в Токио.

– О, ей не нужно этого делать, – сказала Фиона. – Я как-нибудь сама справлюсь! И вам не нужно никуда меня везти!

– Мы уже договорились. Маю съездит с вами, а потом вы обе присоединитесь к нам.

Лишь взглянув на неумолимое и торжествующее выражение лица Харуки, Фионе стало ясно, что легче противостоять знаменитой мощи Японской императорской армии, чем воле этой доброй, но стальной внутри женщины.

– Мы устроим пикник!

– Это очень любезно с вашей стороны.

Фиона задумалась, насколько этот план понравился бедняжке Маю. Ездить по городу с туристкой, которая намного старше ее, вряд ли было в сегодняшнем расписании девушки-подростка.

Буквально через десять минут в дверях кухни появилась Маю в кричаще ярком неоновом-голубом парике, белых гольфах до колен, короткой плиссированной юбке, кроссовках на платформе и ярко-желтом пуховике. Ее лицо светилось озорством и восторгом.

– Фиона-сан! Мы едем в Токио! Пойдемте! Пойдемте! Готовы? – Она быстро взглянула на бабушку, и, сделав невинный вид, добавила: – Этим утром мы займемся кое-чем невероятно веселым!

Харука, скрестив руки на груди, внимательно и сурово рассматривала внучку, но ничего не сказала ни об ее одежде, ни о провокационных намеках.

– Только возьми пальто! – сказала Фиона, гадая, на что, черт возьми, она согласилась.

Пока они ехали на метро в центр города, никто и глазом не моргнул при виде экстравагантного наряда Маю. Она, как и большинство других пассажиров, едва зайдя в вагон, вытащила телефон и вскоре была полностью поглощена экраном. Следуя примеру Маю, Фиона стала листать группу в «Вотсап» с Аврил, Софи, Кейт, Евой и Дэвидом – своих дорогих друзей, которых она приобрела во время той судьбоносной поездки в Копенгаген.

Кто бы мог подумать, что в итоге она подружится с кем-то вроде Аврил? Фиона потеряла заплатку на джинсах выше колена, уже слегка поношенных. Добрая, пугающая, властная Аврил обещала (может даже показаться, что угрожала) всячески продвигать фотовыставку Фионы, и Фиона знала, что она это сделает. Аврил – преданный друг и говорит всегда прямолинейно. Всю дорогу Фиона обдумывала возможные идеи для выставки. Если бы Аврил не придавала этому такого значения, то она могла бы никому ничего не говорить, и тогда бы не пришлось так сильно беспокоиться. Но Аврил все рассказала в группе, и теперь они за нее радовались, желали удачи и пообещали, что все (кроме Софи, которая живет в Штатах) приедут на официальное открытие, которое состоится через несколько недель.

Когда поезд прибыл в их конечный пункт назначения, девушка взяла Фиону под руку, будто они лучшие подружки навсегда (Фиона подумала, что этот термин был хорошо знаком Маю) и повела ее через оживленную станцию в самый центр Токио – яркий, вибрирующий и пульсирующий жизнью, цветом и неоном. Над ними вспыхивали огни, мимо проезжали машины, а из лавки неподалеку раздавался запах лапши с соевым соусом, что не давал Фионе покоя. Ей понравилось, что теперь она всем телом стала ощущать, в какой стране находится. Она здесь всего несколько дней, но уже определяет это безошибочно.

– А куда мы идем? – спросила Фиона, она почти бежала, чтобы не отставать от бешеного темпа Маю. Живет со скоростью четыреста миль в час! Полная противоположность своей безмятежной, тихой матери. Поезд «Синкансэн» и паровой локомотив.

– Это сюрприз! – восторженно произнесла Маю. – Вам понравится! Самое лучшее место! Намного лучше этого скучного старого цветения вишни. Каждый год собо и хаха хотят туда поехать, – она закатила глаза в точности, как это делает любой подросток. – Скукота! Но не волнуйтесь, там, куда мы отправимся сначала, будет офигенно!

Хмм... Фиона, все еще пытаясь не отстать от восторженного подростка, взглянула на наряд аниме-школьницы и попыталась предположить, какой культурный опыт представляет собой это «офигенно». Пару раз ей все же удалось притормозить Маю и сделать по пути несколько снимков. Она попыталась запечатлеть оживленность города, но неуловимая сущность Японии от нее ускользала, и, лишь взглянув на видеоискатель, Фиона чувствовала разочарование. На улицах было что-то «иное», чего она все никак не могла уловить... Внутри нее нарастала досада, что не давала покоя, словно зудящая кожа. Чего не хватало? Почему она не могла этого понять? Кадры выходили педантичными и скучными. Господи, надо как-то подучиться, и поскорее, если она хочет набрать достаточно материала для выставки. Вот где мог бы пригодиться настоящий наставник!.. Только такой, который бы проявил неподдельный интерес.

– Мы почти пришли, – сказала Маю, а затем добавила громче, выбросив руку вперед: – «Без границ», Командная лаборатория, музей цифрового искусства!

Фиона кивнула, хотя не имела ни малейшего представления о том, что такое музей цифрового искусства.

Они вошли в переполненный фойе, заплатили за вход и смешались с толпой японских и западных туристов.

– Это лучшее место на земле! – заявила Маю. – И мы должны, просто обязаны, начать с Дома Бабочек. Это самое главное!

И словно неистовая бабочка, Маю побежала вперед, в темный коридор, следуя указателям. Фиона пошла в ту же сторону, но медленнее; она не очень любила все, что летает, и старалась не подходить слишком близко к птицам, бабочкам и мотылькам.

Войдя в первый зал, она сразу поняла, что ей нечего бояться; играла нежная музыка, а от развернувшегося перед ней зрелища у Фионы по-настоящему расширились глаза. Зал был полон света и звуков, бабочки возникали и трансформировались прямо перед ее глазами – они проецировались на несколько черных экранов, которые заполняли помещение и разделяли его на меньшие пространства. Куда бы она ни посмотрела, на каждой стене проецировалось разное мини-представление. Цвет и движение. Формы и оттенки. Визуальный праздник для глаз! Мгновение она стояла, пытаясь рассмотреть все сразу, а затем сосредоточилась на одной сцене: сотни бабочек взлетели, покрывая пятнами предполагаемое небо.

Невозможно было не улыбнуться. При виде этого волшебного, находящегося в постоянном движении спектакля наблюдателя охватывало чувство безраздельной радости. Словно ребенок, Маю стала гоняться за тучей бабочек. Очарованная, Фиона дотронулась до цветка, который сразу же завял под ее пальцами, а затем в нескольких футах от нее снова взошел и расцвел. Пол и стены были наполнены светом и изображениями, которые постоянно менялись, если посетители с ними взаимодействовали. Фиона никогда раньше не видела ничего подобного! «Здесь невозможно фотографировать, – подумала она, – освещение постоянно меняется, и, кроме того, легко потерять ощущение погружения в происходящее». Абсолютная свобода – вот как она бы это описала. Здесь у вас есть свобода бродить, наблюдать, прикасаться и видеть постоянные изменения. Ни одна сцена не повторялась, и ваши действия могли все изменить. Это одновременно будоражит и завораживает... Неудивительно, что Маю была в таком восторге!

И она оказалась замечательной компанией – полная энтузиазма, она все здесь знала и отчаянно желала показать Фионе даже самую последнюю галерею и раздел этого музея.

– Сюда! Сюда! Водопад, обожаю его!

Благодаря звуку журчащей воды и четкой графике было легко поверить, что вы стоите под водопадом. Фиона прикоснулась к стене – к ее изумлению и восторгу, прямо под пальцами цветок за цветком стала распускаться вишня.

– Круто, да? – спросила Маю.

Фиона покачала головой.

– Даже круче, чем круто. Просто волшебно!

Радостное, сумасшедшее и чрезвычайно вдохновляющее место. Хотя все вокруг, мягко говоря, слегка неистово действовало на мозг, в то же время (что странно и совершенно нелогично) производило расслабляющий эффект. Цифровой взрыв картинок и звука был настолько захватывающим, что не оставлял места ни для чего другого – а значит, ей не надо было тревожиться о фотографиях. Можно по-настоящему оценить волшебство, только лишь погрузившись в интерактивное представление, принимая в нем участие и находясь в настоящем моменте. Кажется, Гейб что-то такое говорил вчера?

Нужно сосредоточиться на том, что происходит здесь и сейчас. Фиона отошла назад и, пока наблюдала за удивлением и радостью на лицах вокруг нее, ей в голову пришла мысль: люди

отвыкли жить настоящим моментом. Вместо того чтобы наслаждаться разворачивающимся перед ними зрелищем, они пытаются его запечатлеть, чтобы показать другим. Все равно что посадить бабочку в банку: ее красота будет радовать недолго, лишь пока она не умрет. А лучше бы сами погружались в настоящий момент.

Она об этом раньше как-то не задумывалась, и это откровение поразило ее неожиданной тяжестью. Ей хотелось, чтобы ее фотографии представляли собой нечто большее, чем просто картинки – рассказывали историю, заставляли людей смотреть глубже. Как фотографии Юми, сделанные Гейбом. «Он бы понял...» – подумала она. Завтра ее будет не так легко обмануть. Если он опять скажет, что ему нужно работать, то она придет к нему в студию и будет за ним наблюдать. Будет у него учиться!

Но сейчас она будет наслаждаться обществом Маю, и позже поедет любоваться знаменитым цветением сакуры – там наверняка можно будет отснять много материала.

Глава 6

Деревья были усыпаны цветами: пышные розовые соцветия покрывали резко контрастирующие с ними темные ветви... Фиона не удержалась и потрогала эти розовые помпоны, почувствовав кончиками пальцев бархатную мягкость. Парк Уэно оказался еще более живописным, чем она могла себе представить.

– Это такая... – Ее глаза сияли, когда она пыталась рассмотреть все вокруг.

Маю закатила глаза.

– Скучота... Но вроде бы и круто тоже! Моя мама и собо приезжают сюда каждый год!

– С тобой?

– Ага. – Круглое лицо Маю внезапно расплылось в озорной улыбке. – Не говори им, но на самом деле мне правда нравится. Это семейная традиция. Мы еще приедем на выходные с папой и *оджичаном*⁷. Но больше я люблю, когда мы втроем... и с вами, конечно, – быстро добавила она. – Пойдемте сюда, тут наше любимое местечко!

Она взяла Фиону под руку и повела по тропинке.

Вдоль аллеи рядом с озером насколько хватало глаз тянулись деревья, на которые приехало посмотреть огромное количество людей. Фиона поразились царящим здесь приятной праздничной атмосфере и осязаемому восторгу, от которого буквально дрожал воздух. Все вокруг говорили и восклицали так громко, что их не перекричала бы и стая гусей, а на дорожках было так много людей, что Фиона не могла поднять руки и сделать фото. Но потом Харука и Сэцуко увели ее с тропинки под ветви. Под деревьями небольшими группами на одеялах семьи устраивали пикники. У всех волосы были усыпаны лепестками.

– Это...

– Цветение вишни, – нарочито зевая, сказала Маю, но ее глаза озорно блеснули.

– Раз в год, – пожурела Хакура. – Каждый год. И каждый раз по-разному. Если ветер налетит слишком рано... – Она махнула рукой, показывая, что лепестки взлетят в небо. – Цикл жизни...

⁷ Дедушка (*ят.*).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.